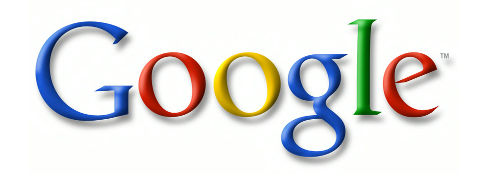
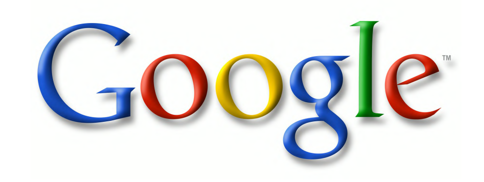

К. БАЛЬМОНТЪ.

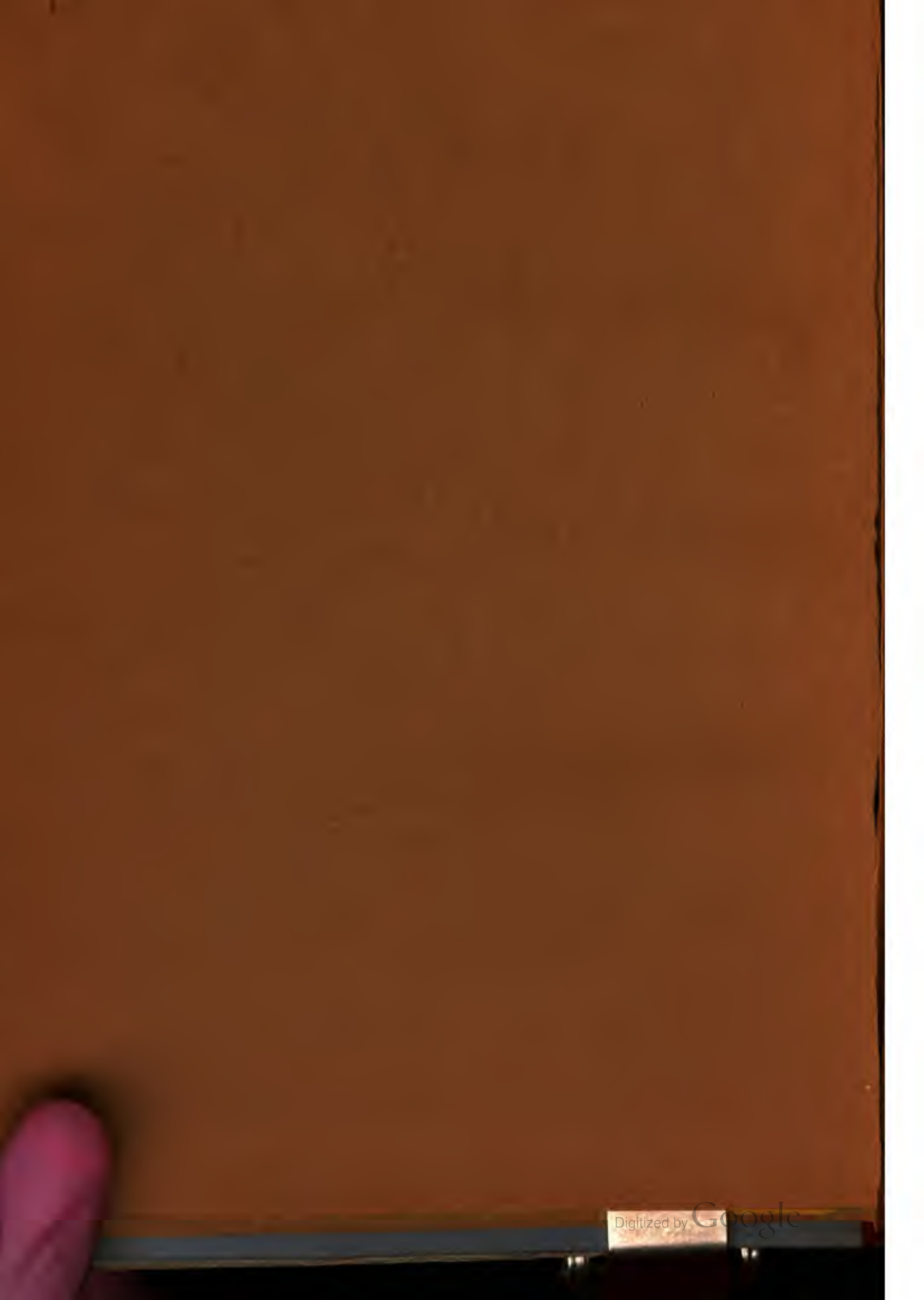
ИЗЪ МІРОВОЙ ПОЭЗІИ

1817
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUÆRIS PENINSULAM AMŒNAM
CIRCUMSPICE

Изъ Міровой Поэзіи

Изъ Міровой Поэзіи

К. Д. Бальмонтъ

1921
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

Предисловіе.

Поэзія — свѣтлый и свѣжій водоемъ, и когда душа прикасается къ этой влагѣ, она пьетъ изъ источника вѣчной юности.

Поэзія — горнило преображающаго огня, въ немъ руда отбрасываетъ отъ себя бремя земной пыли, и остается лишь драгоцѣнный металлъ.

Жить въ свѣтломъ воздухѣ Міровой Поэзіи, значитъ жить вдвойнѣ и слышать въ сердцѣ крылатую птицу.

Изъ многочисленныхъ достиженій, отмѣченныхъ именами міровыхъ поэтовъ, въ этой книгѣ мною собрано то, что будило во мнѣ особенную любовь, цвѣты, которые цвѣтутъ и въ жестокомъ вѣтрѣ нашей дѣйствительности не увядаютъ.

К. Бальмонтъ.

1920. 8 октября.
Парижъ.

Пѣснь о Сигурдѣ

(Отрывокъ изъ Эдды)

Юный Сигурдъ пришелъ ко двору властителя Гьюки, и принятъ былъ дружески.

Онъ заключилъ съ сыновьями властителя, Гуннаромъ и Хёгни, кровный союзъ побратимства, и въ бракъ вступилъ съ дочерью его, Гудрунъ.

Онъ отправился въ путь вмѣстѣ съ Гуннаромъ, чтобъ его поддержать при его сватовствѣ къ Брингильдъ, которая, въ замкѣ, овѣянномъ пламенемъ, противилась всѣмъ женихамъ.

Нашли они залъ и огонь, и видятъ тамъ замокъ съ златою кровлей, а снаружи, кругомъ того замка, пылалъ огонь.

Гуннаръ ѣхалъ на Готи-конѣ, а у Хёгни былъ конь-Холькниръ.

Гуннаръ горячитъ жеребца, направляя въ огонь, но конь отступаетъ, дыбясь.

Сигурдъ говоритъ: «Почему отступаешь, Гуннаръ?» Тотъ говоритъ: «Не хочетъ скакнуть въ огонь жеребецъ».

И проситъ Сигурда, чтобъ ему одолжилъ коня-Грани.

«Это возможно», промолвилъ Сигурдъ.

Ѣдетъ Гуннаръ на огонь теперь, и Грани не хочетъ идти.

Гуннаръ не возмогъ проскакать чрезъ огонь.

Мѣняютъ они свои лики.

Ѣдетъ тогда Сигурдъ, и мечъ-Грамъ у него въ рукахъ, на ногахъ золотыя шпоры.

Огонь забился,
Какъ сумасшедшій.
До неба пламя,
Земля дрожитъ.
И мало кто
Изъ свиты мужа
Къ огню поѣхалъ,
Чтобъ проскочить.
Сигурдъ же — Грани
Мечомъ, не шпорой,
Предъ благороднымъ
Огонь погасъ.
Предъ жаднымъ къ славѣ
Все пламя — книзу,
Сверкнула сбруя,
Звенитъ узда.

Сигурдъ вступилъ въ пламя, нашелъ тамъ жилище прекрасное, а въ жилищѣ сидѣла Брингильдъ.

Она вопрошаетъ, кто мужъ.

Онъ себя называетъ Гуннаръ, сынъ Гьюки.

«Ты мнѣ предназначена въ жены по твоему же рѣшенью, разъ я проскакалъ черезъ яркое пламя, разсѣкъ твой пчелиный сотъ».

«— Не знаю я точно, какой я должна тебѣ дать отвѣтъ», говоритъ она.

Сигурдъ на мощеномъ полу передъ ней стоитъ, опершись на мечъ, и такъ говоритъ къ Брингильдъ: —

«Великій я дамъ тебѣ свадебный выкупъ, золотомъ дамъ его и драгоцѣнностями».

Съ сидѣнья она своего отвѣчаетъ ему, заботой объятая, словно лебедь въ волнѣ, и мечъ у нея въ рукѣ, на головѣ ея шлемъ, была она въ латахъ.

«Гуннаръ», говоритъ она, «не говори мнѣ подобнаго, если не выше ты каждаго мужа, а тогда ты долженъ убить всѣхъ тѣхъ, кто искалъ меня, если на это дерзнешь. Въ битвѣ была я съ конунгами, съ Гарда-властителями, и окрашено было оружье мое кровью мужей, и еще мнѣ желается этого».

Онъ отвѣчалъ: —

«Много ты совершила великихъ дѣяній, но воспомни теперь свой обѣтъ, что, если чрезъ этотъ огонь на конѣ кто проскачетъ, ты пойдешь тогда съ мужемъ свершителемъ».

Въ этомъ она получила отвѣтъ настоящій и знакъ указующій рѣчи, встала, услышавъ, и дружески кланяется.

Тамъ онъ проводитъ три ночи, и дѣлятъ они постель.

Онъ вынимаетъ мечъ-Грамъ и кладетъ обнаженнымъ его межъ собою и ей.

Она вопрошаетъ его, что́ должно означать это.

Онъ говоритъ, что ему суждено было, чтобъ такъ онъ вступилъ со своею супругою въ бракъ, иначе же — смерть.

Тогда онъ кольцо у ней взялъ, и далъ ей другое кольцо изъ наслѣдства Фафнира-Дракона.

Онъ ѣдетъ затѣмъ черезъ тотъ же огонь къ сотоварищамъ.

И снова мѣняютъ они свои лики.

Былъ день, что онѣ, тѣ двѣ женщины, вмѣстѣ купаться пришли къ рѣкѣ.

Дальше Брингильдъ ушла, чѣмъ Гудрунъ. Спросила Гудрунъ, что̀ это значитъ.

Брингильдъ говоритъ: —

«Почему тебѣ въ этомъ я должна равной быть, или въ чемъ другомъ? Мнѣ казалось, отецъ мой могущественнѣй твоего, я думала также, мой мужъ совершилъ много безстрашныхъ дѣяній, и чрезъ горячій огонь проскакалъ на конѣ. А мужъ твой — слуга у Іальпрэка конунга».

Съ гнѣвомъ Гудрунъ отвѣчаетъ: —

«Была бъ ты умнѣе, когда бы молчала, чѣмъ мужа язвить моего. Слово есть всѣхъ мужей, что такого, какъ онъ, не рождалось, и порочить его не пристало тебѣ, потому что онъ первый твой мужъ, и имъ это былъ Фафниръ умерщвленъ, и онъ проскакалъ черезъ яркое пламя, гдѣ Гуннара ты конунга думаешь видѣть, и онъ это былъ, что съ тобою лежалъ, и кольцо тебѣ далъ съ руки своей, и кольцо твое взялъ, и вотъ, его можешь признать».

Брингильдъ на кольцо поглядѣла, и признала его.

Она поблѣднѣла, какъ будто бы мертвой была.

Брингильдъ домой возвратилась, и ни слова не молвила въ вечеръ.

Приходитъ Гуннаръ, вопрошаетъ, что значитъ ея печаль, и не можетъ ли онъ ей помочь.

Брингильдъ говоритъ: —

«Жить не буду я. Потому что Сигурдъ обманулъ меня, и не меньше тебя обманулъ, когда

ты дозволилъ ему войти въ постель мою. Не буду я двухъ мужей въ чертогѣ имѣть одномъ. Долженъ Сигурдъ умереть, или я, или ты, потому что онъ все разсказалъ Гудрунъ, и она попрекаетъ меня.

Въ мести клянется Гуннаръ.

Къ Хёгни онъ держитъ рѣчь, о Сигурдѣ совѣтуется.

«Въ чемъ преступленье»,
Промолвилъ Хёгни,
«Что ты задумалъ
Его убить?»
«— Сигурдъ далъ клятву,
Нарушилъ клятвы,
Онъ мой обманщикъ,
Хранитель клятвъ».
«— Брингильдъ на злобу
Тебя смущаетъ,
Внушаетъ злое,
Чтобъ боль свершить.
«Къ Гудрунъ въ ней зависть
За бракъ хорошій,
Тебѣ зловолитъ
За добрый бракъ».

Одни взялись тутъ
За волчье мясо,
Другіе взяли
Куски змѣи.
Изжаривъ, дали
Поѣсть Готторму.
Вкусилъ онъ волка
Предъ дѣломъ злымъ.
Змѣи поѣли,

Предъ тѣмъ какъ руку
Поднять на мужа,
Который мудръ.

Сигурдъ сраженъ былъ,
На югъ отъ Рейна,
И съ вѣтки воронъ
Такъ провѣщалъ: —
«Властитель Гунновъ,
Могучій Атли,
Окраситъ кровью
Свои мечи.
Для тѣхъ, кто спорщикъ,
Уничтоженье,
Въ невѣрной клятвѣ
Ударъ мечомъ».

Гудрунъ, дочь Гьюки,
Стоитъ на волѣ
И первымъ словомъ
Такъ говоритъ: —
«Властителъ смѣлыхъ,
Сигурдъ, Сигурдъ гдѣ?
Мои родные
Глядятъ впередъ!»
Но ей отвѣтилъ
Одинъ лишь Хёгни: —
«Зарубленъ нами
Мечомъ Сигурдъ.
Зарубленъ смѣлый,
И надъ могучимъ
Главу склоняетъ
Лишь сѣрый конь».
Брингильдъ тутъ смѣхомъ

Такъ разразилась,
Что содрогнулся
Кругомъ весь дворъ.

«Вамъ будутъ земли,
И каждый — витязь,
Затѣмъ что смѣлый
Сраженъ мечомъ».
Гудрунъ, дочь Гьюки,
Тогда сказала: —
«Злодѣйски-злобны
Твои слова.
Пусть сила злая
Сомнетъ Гуннара.
Кто жаждалъ мести,
Увидитъ месть».
Брингильдъ, дочь Будли,
Тогда сказала: —
«Вамъ будутъ земли,
Вашъ будетъ мечъ.
Но всѣмъ бы правилъ
Сигурдъ, когда бы
Еще немного
Онъ пожилъ здѣсь.
И не пристало бъ
Владѣть Сигурду
Наслѣдствомъ Гьюки
И Готовъ тьмой,
Когда родилъ бы
Во власть народу
Онъ жадныхъ къ битвѣ
Пять сыновей».

Былъ поздній вечеръ,
Испили много.

Была бесѣда,
Какъ сладкій медъ.
И всѣ заснули,
Кто легъ въ постели,
Но всѣхъ позднѣе
Не спалъ Гуннаръ.
Ногою двигалъ,
О многомъ думалъ,
Сразитель воинствъ,
Онъ размышлялъ,
О чемъ на вѣткахъ
Тамъ говорили
Орелъ и воронъ
Надъ ихъ путемъ.
Брингильдъ проснулась,
Не спитъ дочь Будли,
Потомокъ царскій,
Предъ свѣтомъ дня.
«Хоть побуждайте,
Хоть мнѣ мѣшайте,
Бѣда случилась,
Я скорбь скажу».
Услышавъ это,
Всѣ замолчали,
Не разумѣя
Тотъ женскій крикъ.
Она же съ плачемъ
То разсказала,
Къ чему со смѣхомъ
Звала мужей.

«Гуннаръ, о, страшный
Мнѣ сонъ приснился,
Всѣ мертвы въ залѣ,

Какъ ледъ постель.
А ты, властитель,
Лишенъ отрады,
Въ оковахъ ѣдешь
Въ войска враговъ.
Весь родъ Нифлунговъ
Лишится силы,
Клятвопреступны
Вы всѣ, вы всѣ.
Ты не подумалъ,
Гуннаръ, что вмѣстѣ
Вы съ нимъ вступали
Въ кровавый слѣдъ.
Ему ты злою
Отмѣрилъ мѣрой,
За то, что первымъ
Тебя призналъ.
Сдержалъ онъ клятву
Передъ тобою,
Когда безстрашно
Пошелъ въ огонь.
Сдержалъ онъ клятву,
Какъ мой искатель,
А ты нарушилъ,
И преступилъ.

За тѣмъ, кто смѣлый,
Съ безстрашнымъ сердцемъ,
Какъ лебедь съ влаги,
Я улечу.
Я съ нимъ въ пыланьи
Соединилась,
И смерть судила
Намъ вмѣстѣ быть.

Былъ мечъ межь нами,
Мечъ закаленный
И съ каплей яда
Вдоль лезвія.
Съ тобой я буду,
Мечомъ сраженный,
И окруженный
Волной огня!»

Все совершилось
По предвѣщанью,
Кто былъ убійца,
Убитъ былъ самъ.
Гуннаръ былъ брошенъ
Во дворъ, гдѣ змѣи,
Напрасно арфой
Ихъ чаровалъ.
Грозой былъ Атли,
Рубили Гунны,
Былъ звонъ оружья,
Былъ стукъ копытъ.
Тѣснились кони,
И въ звукахъ ржанья
Промчались клики
Богатырей.

И мститель Атли,
Хмѣльной, упившись,
Былъ безоружный
Убитъ Гудрунъ.
За братьевъ мстила,
Собакъ спустила,
И кровь излила
Концомъ меча.

**Сожженъ былъ замокъ,
Дымились стѣны
Чертоговъ пышныхъ
И кладовыхъ.
Упали балки
На пепелище,
Сгорѣли жизни,
Пылалъ огонь.**

Грузинская ода къ Тамарѣ

Тамарь, тебя пою, ты — солнце незаходящей красоты
Твой станъ точеный тонко строенъ и кроткій ликъ являешь ты.
Тамарь, эѳиръ молніеносный, словесный лугъ цѣлебныхъ травъ,
Ларецъ познаній, ключъ, текущій среди эдемовыхъ дубравъ.
Въ щедротахъ ты подобна морю, высокимъ духомъ — небесамъ,
Ты — милосердье, и смиренье, и упоеніе глазамъ.
Изъ края въ край идя съ побѣдой, и славой тронувъ гудъ струны,
Ты побѣдителей сразила, они тобой побѣждены.
Ты съ Богомъ раздѣлила страсти Его вознесеннаго креста,
Въ горахъ ты утвердила вѣру, ихъ высота тобой свята.
Всѣ люди власть твою признали, и люди-ль только слились въ хоръ.
Тебѣ подвластны львы въ равнинѣ, тебѣ послушны барсы горъ.
Тебя зовутъ свѣтила—солнцемъ, тебя возносятъ семь планетъ,
Но для пѣвцовъ ты недоступна, и до тебя дороги нѣтъ.

Четырестрочія Вступительныя къ Грузинской поэмѣ 12-го вѣка «Носящій Барсову Шкуру»

Онъ, что создалъ сводъ небесный, онъ, что властію чудесной
Людямъ духъ далъ безтѣлесный, — этотъ міръ намъ далъ въ удѣлъ.
Мы владѣемъ безпредѣльнымъ, многоразнымъ, въ разномъ цѣльнымъ,
Каждый царь нашъ, въ ликѣ дѣльномъ, ликъ Его средь царскихъ дѣлъ.
Богъ, создавшій міръ однажды, отъ тебя здѣсь обликъ каждый.
Дай мнѣ жить любовной жаждой, ей упиться глубоко.
Дай мнѣ, страстнымъ устремленьемъ, вплоть до смерти жить томленьемъ,
Бремя сердца, съ свѣтлымъ пѣньемъ, въ міръ иной снести легко.
Льва, что знаетъ мечъ блестящій, щитъ и копій свистъ летящій,
Ту, чьи волосы — какъ чащи, чьи уста — рубинъ, Тамаръ, —
Этотъ лѣсъ кудрей агатный, и рубинъ тотъ ароматный,
Я хвалою многократной вознесу въ сіяньи чаръ.
Не вседневными хвалами, я кровавыми слезами,

Какъ молитвой въ свѣтломъ храмѣ, восхвалю
въ стихахъ ее.
Янтаремъ пишу я чернымъ, тростникомъ черчу
узорнымъ.
Кто къ хваламъ прильнетъ повторнымъ, въ
сердце приметъ онъ копье.
Въ томъ велѣніѣ царицы, чтобъ воспѣть ея
рѣсницы,
Нѣжность губъ, очей зарницы, и зубовъ жем-
чужный рядъ.
Милый обликъ чернобровой. Наковальнею
свинцовой
Камень твердый и суровый руки мѣткія дробятъ.
О, теперь слова мнѣ нужны. Да пребудутъ въ
связи дружной.
Да звенитъ напѣвъ жемчужный. Встрѣтитъ по-
мощь Таріэль.
Мысль о немъ — въ словахъ завѣтныхъ, вспо-
минательно привѣтныхъ.
Трехъ героевъ звѣздосвѣтныхъ воспоетъ моя
свирѣль.
Сядьте вы, что съ колыбели тѣхъ же судебъ
волю зрѣли.
Вотъ запѣлъ я, Руставели, въ сердце мнѣ вошло
копье.
До сихъ поръ былъ сказки связной тихій звукъ
однообразный,
А теперь размѣръ алмазный, пѣсня, слушайте ее.
Тотъ, кто любитъ, кто влюбленный, долженъ
быть весь озаренный,
Юный, быстрый, умудренный, долженъ ярко
видѣть сонъ,
Быть побѣднымъ надъ врагами, знать, что̀
выразить словами,

Тѣшить мысль, какъ мотыльками, — если жь нѣтъ, не любитъ онъ.
О, любить! любовь есть тайна, свѣтъ, что льнетъ необычайно.
Неразгаданно, безкрайно свѣтитъ свѣтъ того огня.
Не простое лишь хотѣнье, это — дымно, это — тлѣнье,
Здѣсь есть тонкость различенья, — услыхавъ, пойми меня.
Кто упоренъ въ чувствѣ жданномъ, онъ пребудетъ постояннымъ,
Неизмѣннымъ, необманнымъ, — гнетъ разлуки приметъ онъ.
Приметъ гнѣвъ онъ, если надо, будетъ грусть ему отрада.
Тотъ, кто зналъ лишь сладость взгляда, ласки лишь, — не любитъ онъ.
Кто, горя сердечной кровью, льнулъ съ тоскою къ изголовью,
Назоветъ ли онъ любовью эту легкую игру.
Льнуть къ одной, смѣнять другою, это я зову игрою.
Если-жь я люблю душою, — цѣлый міръ скорбей беру.
Только въ томъ любовь достойна, что, любя тревожно, знойно,
Пряча боль, проходитъ стройно, уходя въ безлюдье, въ сонъ,
Лишь съ собой забыться смѣетъ, бьется, плачетъ, пламенѣетъ,
И царей онъ не робѣетъ, но любви робѣетъ онъ.
Связанъ пламеннымъ закономъ, какъ въ лѣсу идя зеленомъ,

Не предастъ нескромнымъ стономъ имя милой
для стыда.
И, бѣжа разоблаченья, приметъ съ радостью
мученья,
Все для милой, хоть сожженье, въ томъ восторгъ,
а не бѣда.
Кто тому повѣрить можетъ, что любимой имя
вложитъ
Въ пересуды? Онъ тревожитъ — и ее и съ ней себя.
Разъ ославишь, нѣтъ въ томъ славы, лишь дыха-
ніе отравы.
Тотъ, кто сердцемъ нелукавый, бережетъ любовь,
любя.
Той, чей голосъ—звонъ свирѣли, нить свивая изъ
кудели,
Пѣснь сложилъ я, Руставели, умирая отъ любви.
Мой недугъ — неизлѣчимый. Развѣ только отъ
любимой
Свѣтъ придетъ неугасимый, — или, смерть, къ
себѣ зови.
Сказку Персовъ, ихъ намеки, влилъ въ Грузин-
скія я строки.
Цѣнный жемчугъ былъ въ потокѣ. Красота
глубинъ тиха.
Но во имя той прекрасной, передъ кѣмъ я въ
пыткѣ страстной,
Я жемчужинъ отсвѣтъ ясный сжалъ оправою
стиха.
Взоръ, увидѣвъ свѣтъ однажды, преисполненъ
вѣчной жажды
Съ милой быть въ минутѣ каждой. Я безуменъ.
Я погасъ.
Тѣло все опять — горѣнье. Кто поможетъ!
Только пѣнье.

Троекратное хваленье — той, въ которой все —
алмазъ.
Чтȏ Судьба намъ присудила, намъ должно быть
это мило.
Неизмѣнно, что бъ ни было, любимъ мы родимый
край.
У работника — работа, у бойца — война за-
бота,
Если жь любишь, такъ безъ счета вѣрь любви,
и въ ней сгорай.
Пѣть напѣвъ четырестрочно, это — мудрость, зна-
нье — точно.
Кто отъ Бога, — полномочно онъ поетъ, пере
горѣвъ.
Въ малословьи много скажетъ. Духъ свой съ
слушателемъ свяжетъ.
Мысль всегда пѣвца уважитъ. Въ мірѣ власт-
вуетъ напѣвъ.
Какъ легко бѣжитъ свободный конь породы
благородной,
Какъ мячомъ игрокъ природный попадаетъ
мѣтко въ цѣль,
Такъ поэтъ въ поэмѣ сложной ходъ направитъ
безтревожный,
Ткани будто невозможной четко выпрядетъ
кудель.
Вдохновенный въ самомъ трудномъ свѣтитъ
свѣтомъ изумруднымъ.
Грянувъ словомъ многогуднымъ, оправдаетъ
крѣпкій стихъ.
Слово Грузіи могуче. Если сердце въ комъ
пѣвуче,
Блескъ родится въ темной тучѣ, въ летѣ молній
вырѣзныхъ.

Кто когда-то сложитъ гдѣ-то двѣ-три строчки, пѣсня спѣта,
Все же—пламенемъ поэта онъ еще не проблеснулъ.
Двѣ-три пѣсни, онъ слагатель, но, когда такой даятель
Мнитъ, что вправду онъ создатель, онъ упрямый только мулъ.
И потомъ. Кто знаетъ пѣнье, кто пойметъ стихо-творенье,
Но не вѣдаетъ пронзенья, сердце жгущихъ, острыхъ словъ,
Тотъ еще охотникъ малый, и въ ловитвахъ не бывалый,
Онъ съ стрѣлою запоздалой къ крупной дичи не готовъ.
И еще. Забавныхъ пѣсенъ въ пирный часъ напѣвъ чудесенъ.
Кругъ сомкнется, веселъ, тѣсенъ. Эти пѣсни тѣшатъ насъ.
Вѣрно спѣтыя при этомъ. Но лишь тотъ отмѣ-ченъ свѣтомъ,
Назовется тотъ поэтомъ, долгій кто пропѣлъ разсказъ.
Знаетъ счетъ поэтъ усилью. Пѣсенъ даръ не броситъ пылью.
И всему онъ изобилью быть велитъ усладой-ей,
Той, кого зоветъ любовью, передъ кѣмъ блеснетъ онъ новью,
Кто, его владѣя кровью, пѣть ему велитъ звучнѣй.
Только ей — его горѣнья. Пусть же слышатъ той хваленья,
Въ комъ нашелъ я прославленье, въ комъ удѣлъ блестящій мой.

Хоть жестока, какъ пантера, въ ней вся жизнь
моя и вѣра.
Это имя въ токъ размѣра я позднѣй внесу съ
хвалой.
О любви пою верховной — неземной и безгрѣховной.
Стихъ объ этомъ полнословный трудно спѣть,
бѣгутъ слова.
Та любовь отъ доли тѣсной душу мчитъ въ
просторъ небесный.
Свѣтъ сверкаетъ въ ней безвѣстный, здѣсь лишь
видимый едва.
Говорить объ этомъ трудно. Даже мудрымъ
многочудна
Та любовь. И здѣсь не скудно, — многощедро, —
пой и пой.
Все сказать о ней нѣтъ власти. Лишь скажу:
Земныя страсти
Подражаютъ ей отчасти, зажигая отблескъ
свой.
По-Арабски, кто влюбленный, тотъ безумный.
Точно сонный,
Видитъ онъ невоплощенной уводящую мечту.
Тѣмъ желанна близость Бога. Но пространна
та дорога.
Эти прямо, отъ порога, досягаютъ красоту.
Я дивлюсь, зачѣмъ безправно, то, что тайно,
дѣлать явно.
Мысль людская своенравна. Для чего любовь
— стыдить?
Всякій срокъ здѣсь — слишкомъ рано. День
придетъ, не тронь тумана.
О, любовь — сплошная рана. Рану — нужно ль
бередить?

Если тотъ, кто любитъ, плачетъ, это только то
и значитъ,
Что въ себѣ онъ жало прячетъ. Любишь, —
знай же тишину.
И среди людей, средь шума, объ одной пусть
будетъ дума,
Но красиво, не угрюмо, скрытно, все люби
одну.

Радость-дитя

«Нѣтъ мнѣ названья,
«Мнѣ только два дня».
Какъ же назвать?
«Нѣтъ счастливѣй меня;
«Радость — названье мое.»
Нѣжная радость
Да будетъ съ тобой,
Свѣтлая радость
Меч ой голубой
Смотрится въ сердце твое.
Нѣжная радость,
Есть-ли нѣжнѣй?
Свѣтлая радость
Только двухъ дней: —
Слушай съ улыбкой,
Я пѣсню пою,
Пѣсней привѣтствую
Радость мою.

Маленькій мальчикъ, потерявшійся

«Отецъ, отецъ, куда ты идешь?
«О, не иди такъ быстро!
«Отвѣть мнѣ, отецъ, я твой маленькій мальчикъ,
«Иначе я потеряюсь».

Ночь была темна, не было отца,
Ребенокъ измокъ отъ росы;
Глубока была топь, и плакалъ ребенокъ,
И прочь улетали туманы.

Маленькій мальчикъ, найденный

Маленькій мальчикъ въ пустынномъ болотѣ,
Влекомый блуждающимъ свѣтомъ,
Началъ рыдать, но Богъ, всегда близкій,
Предсталъ, какъ отецъ, весь въ бѣломъ.

Онъ склонился къ нему, и за руку взялъ,
И, цѣлуя, привелъ его къ матери,
Въ то время какъ, блѣдная, въ долинѣ пустынной,
Она искала любимаго мальчика.

Колыбельная пѣсня

Сладость сновъ, сойди, какъ тѣнь,
Сонъ, дитя мое одѣнь.
Сны, сойдите, какъ ручей
Лунныхъ ласковыхъ лучей.

Сладкій сонъ, какъ нѣжный пухъ,
Убаюкай дѣтскій слухъ.
Ангелъ кроткій, сладкій сонъ,
Обступи со всѣхъ сторонъ.

Смѣхъ, сверкай во тьмѣ ночей
Надъ отрадою моей.
Будь съ нимъ лучшей изъ утѣхъ,
Материнскій нѣжный смѣхъ.

Каждой жалобѣ шепни: —
Задремли и отдохни.
Каждой жалобѣ скажи: —
Крылья легкія сложи.

Спи, дитя, счастливымъ сномъ,
Цѣлый міръ уснулъ кругомъ.
Спи же, спи, родимый мой,
Я поплачу надъ тобой.

Предо мной священный ликъ
На твоемъ лицѣ возникъ,

Твой Создатель здѣсь, во снѣ,
Горько плакалъ обо мнѣ.

Какъ невинное дитя,
Плакалъ, глазками блестя,
О тебѣ и обо всѣхъ,
И слезами смылъ нашъ грѣхъ.

И теперь глядитъ, любя,
Онъ съ улыбкой на тебя,
Въ снахъ ребенка спитъ онъ самъ.
Миръ землѣ и небесамъ.

Ночь

Скрылось солнце въ сонной дали,
Горитъ вечерняя звѣзда.
Птицы въ гнѣздахъ замолчали,
Я своего ищу гнѣзда.
Сводъ небесный высокъ,
И луна, какъ цвѣтокъ,
Неба тихая дочь,
Ясно смотритъ на ночь.

Миръ вамъ, долы, рощи, нивы,
Гдѣ былъ восторгъ веселыхъ стадъ,
Гдѣ, легки и молчаливы,
Блуждая, ангелы блестятъ.
Ихъ нельзя увидать,
Но отъ нихъ благодать —
Всѣмъ листамъ и цвѣтамъ,
Всѣмъ вздыхающимъ снамъ.

То въ кусты они заглянутъ,
Тепло ли птичкамъ въ ихъ гнѣздѣ.
То у норъ звѣриныхъ встанутъ,
Посмотрятъ, нѣтъ ли боли гдѣ.
Чуть кто горько вздохнетъ,
Пусть скорѣй онъ уснетъ,
Близь него посидятъ,
Усыпятъ умъ и взглядъ.

Если волки жадно воютъ,
Они, жалѣя ихъ, стоятъ,
Грустнымъ видомъ успокоютъ,
И малыхъ агнцевъ сохранятъ.
Если жь, робокъ и тихъ,
Кто погибнетъ изъ нихъ,
Всѣхъ загубленныхъ тутъ
Въ новый міръ поведутъ.

Тайна любви

Не ищи сказать любовь,
Разсказать ее нельзя.
Нѣжный вѣтеръ движется
Молча и невидимо.

Я сказалъ свою любовь,
Все ей сердце разсказалъ,
Съ трепетомъ и съ ужасомъ.
Ахъ, она сокрылась прочь.

Только что ушла она,
Странникъ мимо путь держалъ,
Молча и невидимо.
Вздохомъ онъ унесъ ее!

Тигръ

Тигръ, Тигръ, жгучій страхъ,
Ты горишь въ ночныхъ лѣсахъ.
Чей безсмертный взоръ, любя,
Создалъ страшнаго тебя?

Въ небесахъ иль средь зыбей
Вспыхнулъ блескъ твоихъ очей?
Какъ дерзалъ онъ такъ парить?
Кто посмѣлъ огонь схватить?

Кто скрутилъ и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты былъ выкованъ — такой?

Чей былъ молотъ, цѣпи чьи,
Чтобъ скрѣпить мечты твои?
Кто взметнулъ твой быстрый взмахъ,
Ухватилъ смертельный страхъ?

Въ тотъ великій часъ, когда
Воззвала къ звѣздѣ звѣзда,
Въ часъ, какъ небо все зажглось
Влажнымъ блескомъ звѣздныхъ слезъ, —

Онъ, созданіе любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тотъ же ль онъ тебя создалъ,
Кто рожденье агнцу далъ?

Книга Тэль

1

Дщери Серафима водили кругомъ
Свои золотыя стада,
Всѣ кромѣ младшей: Блѣдная,
Искала она сокровеннаго воздуха,
Чтобъ увянуть, подобно утренней ясности,
Уйти отъ смертнаго дня своего.
Внизъ по рѣкѣ Адонѣ
Слышится нѣжный голосъ ея,
И какъ капли разсвѣтныя, капли росы,
Упадаетъ тихая жалоба.
«О, жизнь вотъ этого Ключа,
«Жизнь нашего Источника.
«Для чего увядаетъ водный лотосъ?
«Для чего увядаютъ эти чада Источника,
«Рожденныя только затѣмъ,
«Чтобъ улыбнуться и пропасть?
«А! Тэль — какъ взнесенная влагою радуга,
«И какъ уходящее облако,
«Какъ отраженіе въ зеркалѣ,
«Какъ тѣни въ водѣ,
«Какъ дѣтскіе сны, какъ улыбка на дѣтскомъ лицѣ,
«Какъ голосъ тоскующей горлицы,
«Какъ день преходящій, какъ музыка въ воздухѣ.

«А! если бъ хоть лечь мнѣ тихонько,
«Головою тихонько припасть,
«И спать такъ, дремать,
«Сномъ тихимъ, сномъ смерти,
«И слушать тихонько голосъ Того,
«Кто ходитъ въ саду въ вечернее время».

Дыша межъ смиренныхъ травъ,
Скромная Лилія Долины
Отвѣчала кроткой дѣвственницѣ такъ: —
«Я водная поросль, произрастеніе,
«И такая я малая,
«И люблю я быть въ низкихъ долинахъ,
«Такая я слабая,
«Что едва мотылекъ золотистый
«На главѣ моей можетъ присѣсть.
«Но меня Небеса посѣтили,
«И Тотъ, Кто взираетъ съ улыбкой на все,
«Проходя по долинѣ,
«Каждое утро,
«Длань надо мною Свою простираетъ,
«И мнѣ говоритъ: —
«Радуйся, травка смиренная,
«Новорожденный лилейный цвѣтокъ,
«Кроткая дѣва долинъ молчаливыхъ и скромныхъ ключей;
«Ибо ты будешь одѣта въ сіяніе,
«И будешь напитана манною утра,
«Пока лѣтній зной не растопитъ тебя,
«Близь ручьевъ и ключей, чтобъ ты расцвѣла
«Въ безсмертныхъ долинахъ».
«О чемъ же печалится Тэль?
«О чемъ же вздыхать владычицѣ Гарскихъ долинъ?»

Она умолкла, въ слезахъ улыбнулась,
И замкнулась въ своемъ серебристомъ святилищѣ.

И отвѣтила Тэль: —
«О, смиренная дѣва мирной долины,
«Дары свои тѣмъ отдающая, кто не можетъ потребовать,
«Безгласнымъ, усталымъ; дыханье твое
«Питаетъ ягненка невиннаго,
«Онъ вдыхаетъ воздухъ одеждъ твоихъ млечныхъ,
«Онъ срѣзаетъ твои цвѣты,
«А ты глядишь, улыбаешься прямо ему въ лицо,
«Стирая съ его кротко-мягкаго рта
«Заразительность пятенъ.
«Твое вино очищаетъ
«Золотистый медъ;
«Твое благовонье, которое ты разсыпаешь
«По каждому малому листику возникающихъ травъ,
«Оживляетъ тучныхъ коровъ,
«Укрощаетъ коней огнедышащихъ.
«А Тэль — какъ невѣрное облако,
«Зажженное солнцемъ встающимъ: —
«Я исчезаю,
«Я оставляю престолъ свой жемчужный,
«И кто мое мѣсто найдетъ?»
«Царица долинъ», отвѣчала ей Лилія,
«Вопроси вонъ то нѣжное облако,
«Почему оно искрится въ утреннемъ небѣ,
«Почему развѣваетъ по влажному воздуху
«Блестящесть своей красоты.
«Снизойди, о, малое облачко,
«И помедли предъ взорами Тэль».

Облачко внизъ опустилось;
А Лилія кротко склонила главу,
И въ мысляхъ заботамъ своимъ отдалась,
Многочисленнымъ,
Среди зеленѣющихъ травъ.

2

«О, малое Облако»,
Промолвила дѣвственная,
«Скажи мнѣ, скажи, отчего ты не жалуешься,
«Вѣдь ты увядаешь въ единый часъ,
«Мы поищемъ тебя — и вотъ, не найдемъ.
«А! Тэль подобна тебѣ,
«Я прохожу — но я сѣтую,
«И мой голосъ не слышитъ никто.»

Открыло тутъ облако
Свою золотую главу,
И его лучезарная форма
Скользнула, мелькнула, и, блистая по воздуху,
Предстала предъ взорами Тэль.
«О, дѣвственная, ты, значитъ, не знаешь,
«Что пьютъ наши кони изъ тѣхъ златоструйныхъ
источниковъ,
«Гдѣ Люва смѣняетъ своихъ лошадей?
«Ты смотришь на юность мою и боишься,
«Потому что вотъ я исчезаю,
«И больше не видно меня?
«Не остается ничто.
«О, дѣва! Но я говорю тебѣ: —
«Я, уходя, ухожу къ жизни удесятеренной,
«Къ миру, къ любви, къ святымъ восхищеніямъ.
«Незримо сходя, тяготѣютъ

«Безтѣлесныя крылья мои
«Надъ бальзамическимъ ликомъ цвѣтовъ,
«Къ Росѣ свѣтлоглазой ласкаются,
«Чтобъ впустила меня она въ свой золотистый шатеръ: —
«Дѣва въ слезахъ преклоняется съ трепетомъ
«Предъ восходящимъ Солнцемъ,
«Пока мы не встанемъ, соединенные,
«Золотая сольетъ насъ перевязь,
«И никогда уже не разлучимся,
«Блуждаемъ, соединенныя,
«Питая всѣ кроткіе наши цвѣты».

«Правда, о, малое Облако?
«Я боюсь, что мы не похожи;
«Потому что я прохожу по Гарскимъ долинамъ,
«И вдыхаю дыханье нѣжнѣйшихъ цвѣтовъ,
«Но не питаю я малыхъ цвѣтовъ;
«Щебетаніе птицъ слышу я, но ихъ не питаю,
«Онѣ улетаютъ и сами находятъ свой кормъ.
«Но Тэль имъ ужь больше не радуется,
«Ибо я увядаю.
«И всѣ скажутъ: «Безъ пользы жила
«Эта блестящая женщина.
«Не жила ли она лишь затѣмъ,
«Чтобы въ смерти быть пищей червямъ?»

Облако нѣжно склонилось
На своемъ воздушномъ престолѣ,
И такъ отвѣчало: «О, дѣва небесъ,
«Если ты пища червямъ,
«Какъ велико это, какъ велико благословенье твое.

«Все, что живетъ, живетъ не одно, не для себя
одного.
«Не бойся, Червя воззову я безсильнаго
«Съ низкаго ложа его,
«И ты его голосъ услышишь.
«Приди, о, Червь безмолвной долины,
«Къ царицѣ задумавшейся».

Безпомощный Червь поднялся,
И на лилейномъ листкѣ помѣстился,
А блестящее Облако дальше поплыло, впередъ,
Чтобъ найти подругу въ долинѣ.

3

Тогда Тэль, удивленная,
На Червя посмотрѣла,
Межъ тѣмъ какъ раскинулся онъ на росистомъ
ложѣ своемъ.
«Неужели ты — Червь, образъ слабости?
«Я вижу тебя какъ ребенка,
«Закутаннымъ въ нѣжный лилейный листокъ.
«О, не плачь, малый голосъ;
«Говорить ты не можешь, но можешь ты плакать.
«Это — Червь?
«Я вижу тебя, ты лежишь, обнаженный, безпо-
мощный,
«Въ слезахъ, и никто не отвѣтитъ тебѣ,
«Приласкать тебя некому
«Съ материнской улыбкой».

Глыба Земли услышала голосъ Червя,
И, проникнувшись жалостью,
Главу подняла свою,

Надъ ребенкомъ заплакавшимъ нѣжно склонилась она,
Млечною нѣжностью жизнь ея тайно дохнула,
Потомъ устремила на Тэль она пристальный взглядъ
Смиренныхъ очей своихъ.

«О, красота этихъ Гарскихъ долинъ,
«Не для себя самихъ мы живемъ.
«Ты видишь, кажусь я и скудной и низкой такою.
«Я и есть такова.
«Сама по себѣ, грудь моя холодна,
«Темна моя грудь, сама по себѣ;
«Но Тотъ, Кто любитъ всѣхъ скудныхъ,
«На главу мою миро свое изливаетъ,
«И цѣлуетъ меня, и обвязываетъ
«Перевязь свадебную
«Вкругъ груди моей, самъ говоря: —
«Мать дѣтей моихъ, Я полюбилъ тебя,
«И вѣнецъ тебѣ дамъ, тотъ вѣнецъ
«Никто не возможетъ отнять.
«Но какъ это, нѣжная дѣва, —
«Я просто не знаю,
«Какъ могу это знать я?
«Размышляю надъ этимъ и все жь размышлять не могу,
«Но вотъ я живу и люблю».

Дщерь Красоты отерла
Глаза свои скорбные бѣлымъ покровомъ своимъ,
И молвила: «Ахъ, я не знала этого,
«Потому я и плакала.
«Богъ любитъ Червя,

«Онъ накажетъ ту злую стопу, что умышленно
«Будетъ давить беззащитную форму.
«Это я знала;
«Но что въ пищу ему Онъ даетъ млеко и миро,
«Этого я никогда не слыхала, не знала — и плакала.
«И въ воздухѣ кроткомъ я жаловалась,
«Ибо я увядаю,
«И ложусь на холодное лоно твое,
«Свой блестящій удѣлъ покидаю».

«Царица Долины», отвѣтила ей праматерь Земля,
«Я слышала вздохи твои,
«И всѣ твои жалобы
«Надъ кровлей моей пролетали,
«Но я позвала ихъ внизъ.
«Хочешь ли ты, о, царица, войти въ мой домъ?
«Дано тебѣ въ домъ мой войти и вновь возвратиться;
«Не бойся же здѣсь ничего,
«Да вступишь сюда, о, дѣвственная».

4

Страшный Привратникъ вѣчныхъ вратъ
Поднялъ сѣверный засовъ;
Тэль вошла и увидѣла тайны страны невѣдомой.
Она увидала постели мертвыхъ и тѣ мѣста,
Гдѣ волокнистый корень каждаго сердца
Глубоко на землѣ отпечатываетъ
Изгибы свои ненасытные;
Увидала страну печали и слезъ,
Гдѣ никогда не бывало улыбки.
Блуждала она въ краѣ тучъ,

Въ странѣ, гдѣ долины темныя,
Слушала вопли и жалобы,
Вдругъ останавливалась,
Плакала возлѣ росистыхъ могилъ.
Она стояла въ молчаніи,
Вникала она въ голоса глубинъ,
Межъ могилъ пришла къ своей собственной,
Тамъ сѣла она, и услышала
Голосъ скорби, примчавшійся,
Какъ вздохъ, изъ пустой и глубокой ямы.
«Почему слухъ не можетъ закрыться
«Для собственной гибели?
«Или блистающій глазъ
«Для отравы улыбки?
«Почему наполнены вѣки стрѣлами,
«Остріями, готовыми тотчасъ убить?
«Тамъ тысяча, смерть приносящихъ, воителей
«Въ засадѣ лежитъ, —
«Или глазъ даровъ, глазъ щедротъ, устремляющій
«Дождь плодовъ и чеканнаго золота.
«Зачѣмъ заклейменъ нашъ языкъ
«Медомъ отъ каждаго вѣтра?
«Зачѣмъ слухъ, этотъ водоворотъ,
«Свирѣпо въ себя вбирающій сѣть мірозданій?
«Зачѣмъ ноздри, широко вдыхающія ужасъ,
«Дрожащія, ноздри испуганныя?
«Зачѣмъ узда щекочущая
«На пламенномъ юношѣ?
«Зачѣмъ низкая эта завѣса —
«Тѣло на ложѣ нашихъ желаній?»

Тэль вскочила, и съ крикомъ назадъ побѣжала,
Безпрепятственно,
Пока не достигла знакомыхъ Гарскихъ долинъ.

Кубла Ханъ

Въ странѣ Ксанадъ благословенной
Дворецъ построилъ Кубла Ханъ,
Гдѣ Альфъ бѣжитъ, потокъ священный,
Сквозь мглу пещеръ гигантскихъ, пѣнный,
Впадаетъ въ сонный океанъ.

На десять миль оградой стѣнъ и башенъ
Оазисъ плодородный окруженъ,
Садами и ручьями онъ украшенъ,
Въ немъ ѳиміамъ цвѣты струятъ сквозь сонъ,
И древній лѣсъ, роскошенъ и печаленъ,
Блистаетъ тамъ воздушностью прогалинъ.

Но между кедровъ, полныхъ тишиной,
Расщелина по склону ниспадала.
О, никогда подъ блѣдною луной
Такъ пышенъ не былъ тотъ уютъ лѣсной,
Гдѣ женщина о демонѣ рыдала.
Плѣнительное мѣсто! Изъ него,
Въ кипѣньи безпрерывнаго волненья,
Земля, какъ бы не въ силахъ своего
Сдержать неумолимаго мученья,
Роняла внизъ обломки, точно звенья
Тяжелой цѣпи: Между этихъ скалъ,
Гдѣ камень съ камнемъ бѣшено плясалъ,
Рождалося внезапное теченье,

Потокъ священный воды быстро мчалъ.
И на пять миль, изгибами излучинъ,
Потокъ бѣжалъ, пронзивъ лѣсной туманъ,
И вдругъ, какъ бы усиліемъ замученъ,
Сквозь мглу пещеръ, гдѣ мракъ отъ влаги звученъ,
Въ безжизненный впадалъ онъ океанъ.
И изъ пещеръ, гдѣ человѣкъ не мѣрялъ
Ни призрачный объемъ, ни глубину,
Рождались крики: Внявъ имъ, Кубла вѣрилъ,
Что возвѣщаютъ праотцы войну.

И тѣнь чертоговъ наслажденья
Плыла по глади влажныхъ сферъ,
И стройный гулъ вставалъ отъ пѣнья,
И странно-слитенъ былъ размѣръ
Въ напѣвѣ влаги и пещеръ.
Какое странное видѣнье —
Дворецъ любви и наслажденья
Межъ вѣчныхъ льдовъ и влажныхъ сферъ.

Стройно-звучные напѣвы
Разъ услышалъ я во снѣ,
Абиссинской нѣжной дѣвы,
Пѣвшей въ ясной тишинѣ,
Подъ созвучья гуслей сонныхъ,
Многопѣвныхъ, многозвонныхъ,
Лившихъ зовъ струны къ струнѣ.
О, когда бъ я вспомнилъ взоры
Дѣвы, пѣвшей мнѣ во снѣ
О Горѣ святой Аборы,
Духъ мой вспыхнулъ бы въ огнѣ,
Все возможно было бъ мнѣ.
Въ полнозвучные размѣры

Заключить тогда бъ я могъ
Эти льдистыя пещеры,
Этотъ солнечный чертогъ.

Ихъ всѣ бы ясно увидали
Надъ зыбью, полной звоновъ, дали,
И крикъ пронесся бъ, какъ гроза: —
Сюда, скорѣй сюда, глядите,
О, какъ горятъ его глаза!
Предъ пѣснопѣвцемъ взоръ склоните,
И, этой грезы слыша звонъ,
Сомкнемся тѣснымъ хороводомъ,
Затѣмъ что онъ воскормленъ медомъ
И млекомъ Рая напоенъ!

Уединеніе

Я говорю: Какое побужденье,
Какой толчокъ втеченьи долгихъ лѣтъ
Отшельника манилъ въ лѣсную чащу
Къ его безмолвной кельѣ? Чтó его
Въ пустынѣ укрѣпляться заставляло,
Какъ бы бросать тамъ навсегда свой якорь,
Пока онъ не смежитъ свои глаза,
Въ послѣдній разъ пославъ свой взглядъ прощальный
На солнце и на звѣзды? — О, не только
Страхъ предъ мечомъ грозящимъ, угрызенья,
Обиды непоправленныя рокомъ,
И оскорбленій боль неотомщенныхъ,
Такихъ, что отомстить за нихъ нельзя,
Растоптанная гордость, перемѣна
Въ благополучьи, ужасъ нищеты,
Что умъ на край безумія приводитъ,
Обманутая дружба, боль влеченья,
Въ другóмъ не пробудившаго взаимность,
Съ отчаяніемъ слитая любовь,
Иль мука, что дошла до агоніи; —
Онъ не всегда бѣжалъ отъ нестерпимыхъ
Невыносимыхъ пытокъ; но нерѣдко,
Влекомый безмятежнымъ наслажденьемъ,
Онъ счастія искалъ, свободы, мира;
Затѣмъ что въ нашемъ счастьи — ощущенье
Центральное есть миръ.

Ему хотѣлось видѣть постоянство,
Что было, есть и будетъ безконечно,
Себѣ такой награды онъ искалъ.
И что̀ другое было твердой скрѣпой
Для братства, что воздвигло монастырь,
Высоко на скалѣ, — пріютъ воздушный, —
Или въ уединенія долины, —
Что̀ привлекло ихъ всѣхъ изъ дальнихъ мѣстъ,
Содружествомъ ихъ сливши неразрывнымъ? —
Инстинктъ успокоенія всемірный,
Желанье подтвержденнаго покоя,
Внутри и внѣ; возвышенность, смиренность;
Жизнь, гдѣ воспоминанье и надежда
Слились въ одно, и гдѣ земля спокойна,
Гдѣ ликъ ея мѣняется едва
Работой рукъ для нуждъ неприхотливыхъ,
Иль силою круговращенья года,
Гдѣ царствуетъ безсмертная Душа,
Въ согласіи съ своимъ закономъ яснымъ,
И небо для услады созерцанья
Открыто въ невозбранной тишинѣ.

Прометей

Отрывокъ

Ты — символъ смертныхъ, ихъ борьбы,
Ихъ бѣдъ, ихъ силы, и судьбы,
Ты — яркій знакъ земной печали.
Какъ ты, людское существо —
Наполовину божество,
Ручей, что чистъ въ своемъ началѣ,
Но льется мутною волной.
Мы можемъ частію предвидѣть
Могильный нашъ удѣлъ земной,
Впередъ страдать и ненавидѣть.
Но всѣмъ проклятьямъ вѣчной тьмы,
Всей этой горечи и боли,
Противоставить можемъ мы
Нашъ духъ, упорство твердой воли,
И эту чувства глубину,
Что даже въ ужасахъ терзанья
Провидѣть можетъ воздаянье,
Порвать надъ тайной пелену,
И гордо презирая бѣды,
Не дастъ себя поработить,
И будетъ властна превратить
Мгновенье смерти въ мигъ побѣды.

Стансы для музыки

1

Кто сравнится въ высшемъ спорѣ
    Красотой съ тобой?
Точно музыка на морѣ
    Нѣжный голосъ твой.
Точно музыка въ туманѣ
На далекомъ океанѣ,
Въ часъ, какъ вѣтры, въ сладкихъ снахъ,
Чуть трепещутъ на волнахъ.

2

Въ полночь мѣсяцъ чуть колышетъ
    Воды въ глубинѣ;
Лоно моря еле дышетъ,
    Какъ дитя во снѣ.
Такъ душа, полна мечтою,
Чутко дышетъ красотою;
Нѣжно въ ней ростетъ прибой,
Зачарованный тобой.

Облако

Прохладу дождей, и съ ручьевъ и съ морей,
Я несу истомленнымъ цвѣтамъ,
Въ удушливый день мимолетную тѣнь
Я даю задремавшимъ листамъ.
Живую росу на крылахъ я несу,
Пробуждаю ей почки отъ сна,
Межъ тѣмъ какъ легли они къ груди земли,
Пока пляшетъ вкругъ солнца она.
Бичующій градъ моей дланью подъятъ,
Я подъ громъ, какъ цѣпомъ, молочу,
Бѣлѣетъ вокругъ зеленѣющій лугъ,
Брызнетъ дождь, — и опять я молчу.

Въ горахъ съ высоты сѣю снѣгъ на хребты,
И гигантскія сосны дрожатъ;
Всю ночь на снѣгахъ я покоюсь въ мечтахъ,
И съ грозой обнимаюсь, какъ братъ.
На башнѣ моей средь воздушныхъ зыбей
Блещетъ молніи пламенный щитъ,
И скованный громъ ворчитъ предъ дождемъ,
То умолкнетъ, то вновь зарычитъ;
Надъ гладью земной, надъ морской глубиной,
Я плыву въ нѣжномъ пурпурѣ дня.
И молній полетъ все впередъ и впередъ
Увлекаетъ какъ кормчій меня;
Надъ цѣпью холмовъ, надъ семьей ручейковъ,
Надъ пространствомъ озеръ и полей,

Мой кормчій спѣшитъ, и спѣшитъ, и бѣжитъ,
  Разжигаетъ порывы огней,
Подъ небомъ роднымъ улыбаюсь я съ нимъ
  И внимаю потокамъ дождей.

Кровавый восходъ, выростая, плыветъ,
  Возродитель земли и воды.
Горитъ его взоръ, какъ ночной метеоръ, —
  Гаснетъ свѣтъ предразсвѣтной звѣзды;
На спину ко мнѣ онъ вспрыгнётъ весь въ огнѣ,
  И расширятся крылья его: —
На камни скалы такъ садятся орлы,
  Затаивши въ груди торжество.
А въ часъ какъ закатъ свой багряный нарядъ
  Простираетъ надъ сонною мглой,
И въ свѣтлый туманъ разодѣтъ океанъ,
  И повсюду любовь и покой,
Я крылья сверну, и какъ голубь усну
  Высоко, высоко надъ землей.

Въ вѣнцѣ изъ огня нѣжитъ дѣва меня,
  Что у смертныхъ зовется луной,
Проходитъ она по извивамъ руна,
  Что взлелѣяно влагой ночной;
Чуть слышны шаги той незримой ноги,
  Только ангеламъ внятны они,
Отъ этихъ шаговъ сквозь раздвинутый кровъ
  Многозвѣздные смотрятъ огни,
Я съ ними горю, и смѣюсь, и смотрю,
  Какъ они, точно пчелы, кишатъ,
Вперяю въ нихъ взоръ, раздвигаю шатеръ,
  Золотистыя роемъ спѣшатъ,
Озера, моря, ихъ лучами горя,
  Какъ обломки лазури лежатъ.

Тронъ солнца свяжу, и огнемъ окружу,
  И какъ жемчугъ я вьюсь надъ луной;
Вулканы дрожатъ, звѣзды гаснуть спѣшатъ,
  Увидавши мой стягъ боевой.
Отъ мыса на мысъ, то къ высотамъ, то внизъ,
  Надъ пучиной кипучихъ морей,
Какъ мостъ протянусь, и на горы опрусь,
  Какъ преграда для жгучихъ лучей.
Сквозь радуги сводъ прохожу я впередъ,
  Съ ураганомъ, со снѣгомъ, съ огнемъ.
То арка побѣдъ, что въ измѣнчивый цвѣтъ
  Разукрашена пышно кругомъ,
Лучи сплетены, горячи и нѣжны,
  И смѣется земля подъ дождемъ.

Изъ водъ на землѣ я рождаюсь во мглѣ,
  Я кормилицей небо зову,
Таюсь въ берегахъ и шумящихъ волнахъ,
  Измѣняюсь, но вѣчно живу.
И стихнетъ ли громъ, и нигдѣ ни пятномъ
  Не запятнанъ небесный шатеръ,
И вѣтры скорѣй, вмѣстѣ съ роемъ лучей
  Воздвигаютъ лазурный соборъ, —
Я молча смѣюсь, въ саркофагѣ таюсь,
  Поднимаюсь изъ пропасти бурь,
Какъ призракъ ночной, промелькну бѣлизной,
  И опять разрушаю лазурь.

Къ жаворонку

1

Пѣнья духъ чудесный,
Ты не птичка, нѣтъ!
Съ высоты небесной,
Гдѣ лазурь и свѣтъ,
Ты пѣсней неземной на землю шлешь привѣтъ!

2

Тучкою огнистой
Къ небесамъ ты льнешь,
И въ лазури чистой
Звукъ за звукомъ льешь,
И съ пѣсней въ высь летишь, и, въ высь летя, поешь.

3

Въ блескѣ золотистомъ
Гаснущаго дня,
Въ облакѣ лучистомъ,
Въ морѣ изъ огня,
Рѣзвишься ты, какъ духъ, порхая и звеня.

4

Блѣдный вечеръ, тая,
Вкругъ тебя дрожитъ;

Какъ звѣзда, блистая,
Днемъ свой ликъ таитъ,
Такъ въ небѣ ты незримъ, но пѣснь твоя звучитъ.

5

Гимнъ твой серебристый
Какъ звѣзды привѣтъ: —
Блещетъ день лучистый,
Меркнетъ звѣздный свѣтъ;
Съ земли не видно намъ, горитъ она иль нѣтъ.

6

Небеса съ землею
Звуками полны;
Такъ порой ночною
Вспыхнетъ лучъ луны, —
Вмигъ ласкою ею поля озарены.

7

Кто ты, духъ чудесный?
Кто тебя нѣжнѣй?
Радуги небесной
Красота — блѣднѣй,
Чѣмъ лучезарный дождь мелодіи твоей.

8

Такъ поэтъ, плѣненный
Блескомъ свѣтлыхъ думъ,
Пѣсней отдаленной
Будитъ чуткій умъ,
И міръ ему даритъ рукоплесканій шумъ.

9

Такъ прекрасной дѣвы, —
Точно въ полуснѣ, —
Сладкіе напѣвы
Льются въ тишинѣ;
Въ нихъ — красота любви, въ нихъ свѣтлый гимнъ веснѣ.

10

Такъ въ лѣсу росистомъ
Въ часъ ночной — свѣтлякъ
Блескомъ золотистымъ
Разсѣкаетъ мракъ,
Невидимый горитъ цвѣтовъ и травъ маякъ.

11

Такъ въ саду, блистая,
Розы въ полдень спятъ;
Вѣтерку внимая,
Дышутъ и дрожатъ;
Роняя лепестки, льютъ нѣжный ароматъ.

12

Солнца отблескъ чудный,
Вешній цвѣтъ вѣтвей,
Дождикъ изумрудный
Съ музыкой своей, —
Блѣднѣетъ въ мірѣ все предъ пѣснею твоей.

13

Музыки небесной
Тайну намъ открой,
Птичка, духъ чудесный,

Я молю съ тоской,
Я не слыхалъ нигдѣ гармоніи такой.

14

Хоры Гименея
Намъ царятъ привѣтъ;
Предъ тобой блѣднѣя,
Меркнетъ этотъ свѣтъ;
Мы чувствуемъ душой, что въ нихъ чего-то нѣтъ.

15

Гдѣ родникъ кипучій
Пѣсенъ золотыхъ?
Волны или тучи
Нашептали ихъ?
Иль ты сама любовь? Иль чуждъ ты мукъ земныхъ?

16

Въ переливахъ ясныхъ,
Что звенятъ вокругъ,
Лишь восторговъ страстныхъ
Слышенъ яркій звукъ,
Любя, не знаешь ты любовныхъ горькихъ мукъ.

17

Тайну смерти мрачной
Вѣрно понялъ ты,
Оттого съ прозрачной
Свѣтлой высоты
Намъ, смертнымъ, шлешь свой гимнъ кристальной чистоты.

18

Жизнь мы полной чашей
Пьемъ, пока — весна;
Но въ улыбкѣ нашей
Искра слезъ видна,
Тѣ пѣсни любимъ мы, въ которыхъ грусть слышна.

19

Но когда-бъ печали
Къ намъ толпой не шли, —
Если бъ рай намъ дали,
Пасынкамъ земли, —
Мы въ радости съ тобой сравняться-бъ не могли.

20

Музыки нѣжнѣе,
Льющейся волной, —
Глубже и полнѣе
Мудрости земной, —
Та пѣснь, съ которой ты несешься въ міръ иной.

21

Если бъ пѣсни ясной
Часть я взялъ себѣ,
Лился-бъ гимнъ прекрасный
Людямъ въ ихъ борьбѣ: —
Мнѣ-бъ цѣлый міръ внималъ, какъ внемлю я тебѣ!

Мимоза

1

Мимоза невинной сіяла красой,
Питалъ ее вѣтеръ сребристой росой,
И къ солнцу она обращала листы,
Чтобъ ночью опять погрузиться въ мечты.

Въ прекрасномъ саду пробудилась отъ сна,
Какъ Геній Любви, молодая Весна,
Траву и цвѣты пробудила для грезъ,
Заставивъ забыть ихъ про зимній морозъ.

Но въ полѣ, въ саду, и въ лѣсу, и у скалъ,
Никто такъ о нѣжной любви не мечталъ,
Какъ лань молодая въ полуденный зной,
Съ Мимозой сродняясь мечтою одной.

Раскрылся подснѣжникъ подъ лаской тепла,
Фіалка отъ вешнихъ дождей расцвѣла,
И слился ихъ запахъ съ дыханьемъ весны,
Какъ съ пѣньемъ сливается рокотъ струны.

Любовью тюльпанъ и горчанка зажглись;
И дивный красавецъ, влюбленный нарцисъ,
Расцвѣлъ надъ ручьемъ и глядитъ на себя,
Пока не умретъ, безконечно любя;

И ландышъ, подобный Наядѣ лѣсной,
Онъ блѣденъ отъ страсти, онъ любитъ весной;
Сквозитъ изъ листвы, какъ любовный привѣтъ,
Его колокольчиковъ трепетный свѣтъ.

Опять гіацинтъ возгордился собой,
Здѣсь бѣлый, пурпурный, а тамъ голубой,
Его колокольчики тихо звенятъ, —
Тѣ звуки нѣжнѣй, чѣмъ его ароматъ;

И роза какъ нимфа, — возставши отъ сна,
Роскошную грудь обнажаетъ она,
Снимаетъ покровъ свой, купаться спѣшитъ,
А воздухъ влюбленный къ ней льнетъ и дрожитъ;

И лилія свѣтлую чашу взяла,
И вверхъ, какъ Вакханка, ее подняла,
На ней, какъ звѣзда, загорѣлась роса,
И взоръ ея глазъ устремленъ въ небеса;

Нарядный жасминъ, и анютинъ глазокъ,
И съ нимъ туберозы душистый цвѣтокъ,
Весною съ концовъ отдаленныхъ земли
Цвѣты собрались въ этотъ садъ и цвѣли.

Подъ ласковой тѣнью зеленыхъ вѣтвей,
Подъ искристымъ свѣтомъ горячихъ лучей,
Надъ гладью измѣнчивой, гладью рѣчной,
Дрожали кувшинки, цѣлуясь съ волной.

И лютики пестрой толпой собрались,
И почки цвѣтовъ на вѣтвяхъ налились;
А водный пѣвучій потокъ трепеталъ,
И въ тысячѣ разныхъ оттѣнковъ блисталъ.

Дорожки средь дерна, какъ змѣйки, легли,
Извилистой лентой по саду прошли,
Сіяя подъ лаской полдневныхъ лучей,
Теряясь порою средь чащи вѣтвей.

Кустами на нихъ маргаритки росли,
И царскіе кудри роскошно цвѣли;
И тихо роняя свои лепестки,
Пурпурные, синіе вяли цвѣтки,
И къ вечеру искрились въ нихъ свѣтляки.

Весь садъ точно райской мечтой озаренъ;
И такъ, какъ ребенокъ, стряхнувши свой сонъ,
Съ улыбкой глядитъ въ колыбели на мать,
Которой отрадно съ нимъ пѣть и играть, —

Цвѣты, улыбаясь, на небо глядятъ,
А въ небѣ лучи золотые горятъ,
И ярко всѣ блещутъ въ полуденный часъ,
Какъ блещетъ при свѣтѣ лучистый алмазъ.

И льютъ, наклоняясь, они ароматъ,
И съ шопотомъ ласки другъ другу дарятъ,
Подобно влюбленнымъ, которымъ вдвоемъ
Такъ сладко, что жизнь имъ является сномъ.

И только Мимоза, Мимоза одна,
Стоитъ одинока, безмолвна, грустна;
Пусть глубже, чѣмъ всѣ, она любитъ въ тиши
Порывомъ невинной и чистой души, —

Увы, аромата она лишена!
И клонится нѣжной головкой она,
И жаждетъ, исполнена тайной мечты,
Того, чего нѣтъ у нея, красоты.

Ласкающій вѣтеръ на крыльяхъ своихъ
Уноситъ гармонію звуковъ земныхъ;
И вѣнчики яркихъ, какъ звѣзды, цвѣтковъ
Блистаютъ окраской своихъ лепестковъ;

И бабочекъ свѣтлыхъ живая семья,
Какъ полная золотомъ въ морѣ ладья,
Скользитъ надъ волнистою гладью травы,
Мелькаетъ, плыветъ въ океанѣ листвы;

Туманы, прильнувъ на мгновенье къ цвѣтамъ,
Уносятся въ высь къ голубымъ небесамъ,
Цвѣточный уносятъ съ собой ароматъ,
Какъ свѣтлые ангелы въ небѣ скользятъ;

На смѣну имъ снова встаютъ надъ землей
Туманы, рожденные знойною мглой;
Въ нихъ вѣтеръ слегка пролепечетъ на мигъ,
Какъ ночью лепечетъ прибрежный тростникъ.

Мечтаетъ Мимоза въ вѣнцѣ изъ росы,
Межъ тѣмъ пролетаютъ мгновенья, часы,
Медлительно движется вечера тѣнь,
Какъ тянутся тучки въ безвѣтренный день.

И полночь съ лазурныхъ высотъ снизошла,
Прохлада на міръ задремавшій легла,
Любовь — въ небесахъ, и покой — на землѣ,
Отраднѣй восторги въ таинственной мглѣ.

Всѣхъ бабочекъ, птичекъ, растенья, звѣрьковъ
Баюкаетъ море загадочныхъ сновъ,
Какъ въ сказкѣ, волна напѣваетъ волнѣ,
Ихъ пѣнья неслышно въ ночной тишинѣ.

И только не хочетъ уснуть соловей, —
Ночь длится, а пѣсня слышнѣй и слышнѣй,
Какъ будто онъ гимны слагаетъ лунѣ,
И внемлетъ Мимоза ему въ полуснѣ.

Она, какъ ребенокъ, уставъ отъ мечты,
Всѣхъ прежде печально свернула листы;
Въ душѣ ея сонная греза встаетъ,
Себя она ласковой мглѣ предаетъ,
Ей ночь колыбельную пѣсню поетъ.

2

Въ волшебномъ саду, чуждомъ горя и зла,
Богиня, какъ Ева въ Эдемѣ, была,
И такъ же цвѣты устремляли къ ней взоры,
Какъ смотрятъ на Бога всѣ звѣздные хоры.

Въ лицѣ ея дивномъ была разлита
Небесныхъ таинственныхъ думъ красота;
Сравниться не могъ съ ней изяществомъ стана
Цвѣтокъ, что раскрылся на днѣ океана.

Все утро, весь день и весь вечеръ она
Цвѣты оживляла, ясна и нѣжна;
А въ сумеркахъ падали къ ней метеоры,
Сплетая блестящія искры въ узоры.

Изъ смертныхъ не знала она никого,
Не знала, что значитъ грѣха торжество.
Но утромъ, подъ ласкою теплой разсвѣта,
Она трепетала, любовью согрѣта;

Какъ будто бы ласковый духъ неземной
Слеталъ къ ней подъ кровомъ прохлады ночной,
И днемъ еще медлилъ, и къ ней наклонялся,
Хоть въ свѣтѣ дневномъ отъ нея онъ скрывался.

Она проходила, къ ней льнула трава,
Къ которой она прикасалась едва;
И шла она тихо, и тихо дышала,
И страсть, и восторгъ за собой оставляла;

Какъ шопотъ волны средь морскихъ тростниковъ,
Чуть слышенъ былъ звукъ ея легкихъ шаговъ,
И тѣнью волосъ она тотчасъ стирала
Тотъ слѣдъ, что, идя, за собой оставляла.

Въ волшебномъ саду преклонялись цвѣты
При видѣ такой неземной красоты,
И нѣжно слѣдили влюбленной толпою
За этой прелестной, воздушной стопою.

Она орошала ихъ свѣтлой водой,
Въ нихъ яркія искры блистали звѣздой;
И въ ихъ лепесткахъ, съ мимолетной красою,
Прозрачныя капли сверкали росою.

Заботливо-нѣжной рукою своей
Она расправляла цвѣты межь вѣтвей,
Ей не были бъ дѣти родныя милѣе,
Она не могла бы любить ихъ нѣжнѣе.

Всѣхъ вредныхъ, грызущихъ листки, червяковъ,
Всѣхъ хищныхъ, тревожащихъ зелень, жучковъ
Она своей быстрой рукою ловила,
И въ лѣсъ далеко — далеко уносила;

Для нихъ она дикихъ цвѣтовъ нарвала,
Въ корзину насыпала, гдѣ ихъ несла,
Хоть вредъ они жизнью своей приносили,
Но жизнь они чисто, невинно любили.

А пчелъ, однодневокъ и всѣхъ мотыльковъ,
Прильнувшихъ къ душистымъ устамъ лепестковъ,
Она оставляла, чтобъ нѣжно любили,
Чтобъ въ этомъ раю серафимами были.

И къ кедру душистому шла на зарѣ,
Тамъ куколки бабочекъ въ темной корѣ,
Межь трещинъ продольныхъ, она оставляла,
Въ нихъ жизнь молодая тихонько дрожала.

Была ея матерью нѣжной — весна,
Все лѣто цвѣты оживляла она,
И прежде, чѣмъ хмурая осень пришла
Съ листвой золотою, — она умерла!

3

Промчалось три дня, — всѣ цвѣты тосковали,
О чемъ, почему, они сами не знали;
Грустили и блѣдность была въ нихъ видна,
Какъ въ звѣздахъ, когда загорится луна.

А съ новой зарею — до слуха Мимозы
Коснулося пѣнье; въ немъ слышались слезы;
За гробомъ вослѣдъ провожатые шли,
И плакальщицъ стоны звучали вдали.

И съ тихой тоской погребальнаго пѣнья
Сливалося смерти нѣмой дуновенье;

И запахъ холодный, тяжелый, сырой,
Изъ гроба къ цвѣтамъ доносился порой.

И травы, обнявшись тоскливо съ цвѣтами,
Алмазными вдругъ заблистали слезами;
А вѣтеръ рыданья вездѣ разносилъ: —
Ихъ вздохи онъ въ гимнъ похоронный сложилъ.

И прежняя пышность цвѣтовъ увядала,
Какъ трупъ той богини, что ихъ оживляла;
Духъ тлѣнья въ саду омраченномъ виталъ,
И даже — кто слезъ въ своей жизни не зналъ —
И тотъ бы при видѣ его задрожалъ.

Подкралася осень, умчалося лѣто,
Туманы легли вмѣсто жгучаго свѣта,
Хоть солнце полудня сіяло порой,
Смѣясь надъ осенней погодой сырой.

И землю остывшую розы въ печали,
Какъ хлопьями снѣга, цвѣтами устлали;
И мертвенныхъ лилій и тусклыхъ бѣльцовъ
Виднѣлись толпы, точно рядъ мертвецовъ.

Индійскія травы съ живымъ ароматомъ
Блѣднѣли въ саду, разложеньемъ объятомъ,
И съ новымъ осеннимъ томительнымъ днемъ
Безмолвно роняли листокъ за листкомъ.

Багровые, темные, листья сухіе
Носились по вѣтру, какъ духи ночные: —
И вѣтеръ ихъ свистъ межь вѣтвей разносилъ,
И ужасъ на зябнущихъ птицъ наводилъ.

И плевеловъ зерна въ своей колыбели
Проснулись подъ вѣтромъ и вдаль полетѣли,
Смѣшались съ толпами осеннихъ листовъ,
И гнили въ объятіяхъ мертвыхъ цвѣтовъ.

Прибрежныя травы какъ будто рыдали, —
Какъ слезы, въ ручей лепестки упадали,
Обнявшись, смѣшавшись въ водѣ голубой,
Носились нестройной, унылой толпой.

Покрылися трупами листьевъ — аллеи,
И мертвыя свѣсились внизъ эпомеи,
И блескъ средь лазури, какъ призракъ, исчезъ,
И дождь пролился съ потемнѣвшихъ небесъ.

Всю осень, пока не примчались мятели,
Уродливыхъ плевеловъ стебли жирѣли;
Усѣянъ былъ пятнами гнусный ихъ ротъ,
Какъ жабы спина иль змѣиный животъ.

Крапива, ворсянка, съ цикутой пахучей,
Волчцы, бѣлена и репейникъ колючій —
Тянулись, дышали, какъ будто сквозь сонъ,
Ихъ ядомъ былъ воздухъ кругомъ напоенъ.

И тутъ же вблизи разростались другія,
Какъ будто въ нарывахъ, какъ будто гнилыя,
Больныя растенья, — отъ имени ихъ
Бѣжитъ съ отвращеніемъ трепетный стихъ.

Стояли толпой мухоморы, поганки,
И ржавые грузди, опенки, листвянки;
Взростила ихъ плѣсень въ туманные дни,
Какъ вѣстники смерти стояли они.

Ихъ тѣло кусокъ за кускомъ отпадало,
И воздухъ дыханьемъ своимъ заражало,
И вскорѣ виднѣлись одни лишь стволы,
Сырые отъ влажной, удушливой мглы.

Отъ мертвыхъ цвѣтовъ, отъ осенней погоды,
Въ ручьѣ, будто флёромъ, подернулись воды,
И шпажной травы разросталась семья,
Съ корнями узлистыми, точно змѣя.

Сильнѣй и сильнѣй поднимались туманы,
Бродили и ширились ихъ караваны,
Рождаясь съ зарей, возростали чумой,
И ночью весь міръ былъ окутанъ ихъ тьмой.

Въ часъ полдня растенія искриться стали: —
То иней и изморозь ярко блистали;
Какъ ядомъ напитаны, вѣтки тотчасъ
Мертвѣли отъ ихъ ослѣпительныхъ глазъ.

И было тоскливо на сердцѣ Мимозы,
И падали, падали свѣтлыя слезы;
Объятые гнетомъ смертельной тоски,
Прижались другъ къ другу ея лепестки.

И скоро всѣ листья ея облетѣли,
Внимая угрюмымъ напѣвамъ мятели,
И сокъ въ ней не могъ уже искриться вновь,
А капалъ къ камнямъ, точно мертвая кровь.

Зима, опоясана вѣтромъ холоднымъ,
Промчалась по горнымъ вершинамъ безплоднымъ,
И трескъ издавали обломки скалы,
Звенѣли въ морозъ, какъ звенятъ кандалы.

И цѣпью своей неземного закала
И воды и воздухъ она оковала,
Отъ сводовъ полярныхъ, изъ дальней земли,
Суровые вихри ее принесли.

Послѣднія травы подъ вѣтромъ дрожали,
Отъ ужаса смерти подъ землю бѣжали,
И такъ же исчезли они подъ землей,
Какъ призракъ безслѣдный, порою ночной.

Въ извилистыхъ норахъ уснули въ морозы
Кроты подъ корнями умершей Мимозы,
И птицы летѣли на сучья, на пни,
И вдругъ, налету, замерзали они.

Тепломъ потянуло. На вѣткахъ снѣжинки
Растаяли, падая внизъ, какъ слезинки;
И снова замерзли въ холодные дни,
И кружевомъ снѣжнымъ повисли они.

Металася буря, сугробы вздымая,
И волкомъ голоднымъ въ лѣсу завывая,
И сучья ломала въ порывѣ своемъ,
Весь міръ засыпая и снѣгомъ и льдомъ.

И снова весна, и умчались морозы;
Но нѣтъ уже больше стыдливой Мимозы;
Одни мандрагоры, цикуты, волчцы
Возстали, какъ въ склепахъ встаютъ мертвецы.

4

Знала-ль Мимоза, что скрылась весна,
И что сама измѣнилась она,

Знала-ль, что осень съ зимою пришла,
Трудно сказать, — но она умерла.

Дивная Нимфа, чьимъ царствомъ былъ садъ,
Чьимъ дуновеніемъ былъ ароматъ,
Вѣрно, грустила, когда не нашла
Формы, гдѣ нѣга стыдливо жила —

Чудная нѣга любви, красоты,
И неземного блаженства мечты.
Но въ этомъ мірѣ суровой борьбы
Горя, обмана, и страха судьбы,

Въ мірѣ, гдѣ мы — только тѣни отъ сна,
Гдѣ намъ познанія власть не дана,
Въ мірѣ, гдѣ все — только лживый туманъ, —
Самая смерть есть миражъ и обманъ.

Вѣченъ таинственный, сказочный садъ,
Вѣчно въ немъ Нимфа живитъ ароматъ,
Вѣчно смѣются имъ вешніе дни,
Мы измѣняемся, — но не они.

Счастье, любовь, красота, — вамъ привѣтъ!
Нѣтъ перемѣны вамъ, смерти вамъ нѣтъ,
Только безсильны мы васъ сохранить,
Рвемъ вашу тонкую, свѣтлую нить.

Озимандія

Я встрѣтилъ путника; онъ шелъ изъ странъ
далекихъ
И мнѣ сказалъ: Вдали, гдѣ вѣчность сторожитъ
Пустыни тишину, среди песковъ глубокихъ
Обломокъ статуи распавшейся лежитъ.

Изъ полустертыхъ чертъ сквозитъ надменный
пламень,
Желанье заставлять весь міръ себѣ служить;
Ваятель опытный вложилъ въ бездушный ка-
мень
Тѣ страсти, что могли столѣтья пережить.

И сохранилъ слова обломокъ изваянья: —
«Я — Озимандія, я — мощный царь царей!
«Взгляните на мои великія дѣянья,
«Владыки всѣхъ временъ, всѣхъ странъ и всѣхъ
морей!»

Кругомъ нѣтъ ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса надъ ней...

Воронъ

Какъ — то въ полночь, въ часъ угрюмый, полный
тягостною думой,
Надъ старинными томами я склонялся въ полуснѣ,
Грезамъ страннымъ отдавался, вдругъ неясный
звукъ раздался,
Будто кто-то постучался — постучался въ дверь
ко мнѣ.
«Это вѣрно», прошепталъ я, «гость въ полночной
тишинѣ,
Гость стучится въ дверь ко мнѣ».

Ясно помню... Ожиданья... Поздней осени рыданья...
И въ каминѣ очертанья тускло тлѣющихъ
углей...
О, какъ жаждалъ я разсвѣта, какъ я тщетно
ждалъ отвѣта
На страданье, безъ привѣта, на вопросъ о ней, о
ней,
О Ленорѣ, что блистала ярче всѣхъ земныхъ
огней,
О свѣтилѣ прежнихъ дней.

И завѣсъ пурпурныхъ трепетъ издавалъ какъ
будто лепетъ,

Трепетъ, лепетъ, наполнявшій темнымъ чувствомъ сердце мнѣ.
Непонятный страхъ смиряя, всталъ я съ мѣста, повторяя: —
«Это только гость, блуждая, постучался въ дверь ко мнѣ,
«Поздній гость пріюта проситъ въ полуночной тишинѣ —
«Гость стучится въ дверь ко мнѣ».

Подавивъ свои сомнѣнья, побѣдивши опасенья,
Я сказалъ: «Не осудите замедленья моего!
«Этой полночью ненастной я вздремнулъ, и стукъ неясный
«Слишкомъ тихъ былъ, стукъ неясный, — и не слышалъ я его,
«Я не слышалъ» — тутъ раскрылъ я дверь жилища моего: —
Тьма, и больше ничего.

Взоръ застылъ, во тьмѣ стѣсненный, и стоялъ я изумленный,
Снамъ отдавшись, недоступнымъ на землѣ ни для кого;
Но какъ прежде ночь молчала, тьма душѣ не отвѣчала,
Лишь — «Ленора!» — прозвучало имя солнца моего, —
Это я шепнулъ, и эхо повторило вновь его, —
Эхо, больше ничего.

Вновь я въ комнату вернулся — обернулся — содрогнулся, —

Стукъ раздался, но слышнѣе, чѣмъ звучалъ онъ
до того.
«Вѣрно, что-нибудь сломилось, что-нибудь
пошевелилось,
«Тамъ за ставнями забилось у окошка моего,
«Это вѣтеръ, усмирю я трепетъ сердца моего, —
«Вѣтеръ, больше ничего».

Я толкнулъ окно съ рѣшеткой, — тотчасъ важ-
ною походкой
Изъ-за ставней вышелъ Воронъ, гордый Воронъ
старыхъ дней,
Не склонился онъ учтиво, но, какъ лордъ,
вошелъ спѣсиво,
И, взмахнувъ крыломъ лѣниво, въ пышной
важности своей,
Онъ взлетѣлъ на бюстъ Паллады, что надъ
дверью былъ моей,
Онъ взлетѣлъ — и сѣлъ надъ ней.

Отъ печали я очнулся и невольно усмѣхнулся,
Видя важность этой птицы, жившей долгіе года.
«Твой хохолъ ощипанъ славно и глядишь ты
презабавно»,
Я промолвилъ, «но скажи мнѣ: Въ царствѣ тьмы,
гдѣ ночь всегда,
«Какъ ты звался, гордый Воронъ, тамъ, гдѣ ночь
царитъ всегда!»
Молвилъ Воронъ: «Никогда».

Птица ясно отвѣчала, и хоть смысла было
мало,
Подивился я всѣмъ сердцемъ на отвѣтъ ея
тогда.

Да и кто не подивится, кто съ такой мечтой сроднится,
Кто повѣрить согласится, чтобы гдѣ-нибудь когда —
Сѣлъ надъ дверью — говорящій безъ запинки, безъ труда —
Воронъ съ кличкой: «Никогда».

И, взирая такъ сурово, лишь одно твердилъ онъ слово,
Точно всю онъ душу вылилъ въ этомъ словѣ «Никогда»,
И крылами не взмахнулъ онъ, и перомъ не шевельнулъ онъ,
Я шепнулъ: «Друзья сокрылись вотъ ужь многіе года,
«Завтра онъ меня покинетъ, какъ надежды, навсегда».
Воронъ молвилъ: «Никогда».

Услыхавъ отвѣтъ удачный, вздрогнулъ я въ тревогѣ мрачной,
«Вѣрно, былъ онъ», я подумалъ, «у того, чья жизнь — Бѣда,
«У страдальца, чьи мученья возростали, какъ теченье
«Рѣкъ весной, чье отреченье отъ Надежды навсегда
«Въ пѣснѣ вылилось о счастьи, что, погибнувъ навсегда,
«Вновь не вспыхнетъ никогда.»

Но, отъ скорби отдыхая, улыбаясь и вздыхая,
Кресло я свое придвинулъ противъ Ворона тогда,

И, склонясь на бархатъ нѣжный, я фантазіи безбрежной
Отдался душой мятежной: «Это — Воронъ, Воронъ, да.
«Но о чемъ твердитъ зловѣщій этимъ чернымъ «Никогда»,
Страшнымъ крикомъ «Никогда».

Я сидѣлъ, догадокъ полный и задумчиво-безмолвный,
Взоры птицы жгли мнѣ сердце, какъ огнистая звѣзда,
И съ печалью запоздалой, головой своей усталой,
Я прильнулъ къ подушкѣ алой, и подумалъ я тогда: —
Я одинъ, на бархатъ алый та, кого любилъ всегда,
Не прильнетъ ужь никогда.

Но постой, вокругъ темнѣетъ, и какъ будто кто-то вѣетъ,
То съ кадильницей небесной Серафимъ пришелъ сюда?
Въ мигъ неясный упоенья я вскричалъ: «Прости, мученье,
«Это Богъ послалъ забвенье о Ленорѣ навсегда,
«Пей, о, пей скорѣй забвенье о Ленорѣ навсегда!»
Каркнулъ Воронъ: «Никогда».

И вскричалъ я въ скорби страстной: «Птица ты иль духъ ужасный,
«Искусителемъ ли посланъ, иль грозой прибитъ сюда, —

«Ты пророкъ неустрашимый! Въ край печальный, нелюдимый,
«Въ край, Тоскою одержимый, ты пришелъ ко мнѣ сюда!
«О, скажи, найду-ль забвенье, я молю, скажи, когда?»
Каркнулъ Воронъ: «Никогда».

«Ты пророкъ», вскричалъ я, «вѣщій! Птица ты иль духъ зловѣщій,
«Этимъ Небомъ, что надъ нами — Богомъ скрытымъ навсегда —
«Заклинаю, умоляя, мнѣ сказать, — въ предѣлахъ Рая
«Мнѣ откроется-ль святая, что средь ангеловъ всегда,
«Та, которую Ленорой въ небесахъ зовутъ всегда?»
Каркнулъ Воронъ: «Никогда».

И воскликнулъ я, вставая: «Прочь отсюда, птица злая!
«Ты изъ царства тьмы и бури, — уходи опять туда,
«Не хочу я лжи позорной, лжи, какъ эти перья, черной,
«Удались же, духъ упорный! Быть хочу — одинъ всегда!
«Вынь свой жесткій клювъ изъ сердца моего, гдѣ скорбь — всегда!»
Каркнулъ Воронъ: «Никогда».

И сидитъ, сидитъ зловѣщій, Воронъ черный, Воронъ вѣщій,

Съ бюста блѣднаго Паллады не умчится никуда,
Онъ глядитъ, уединенный, точно Демонъ полу-
сонный,
Свѣтъ струится, тѣнь ложится, на полу дрожитъ
всегда,
И душа моя изъ тѣни, что волнуется всегда,
Не возстанетъ — никогда!

Колокольчики и Колокола

1

Слышишь, сани мчатся въ рядъ,
Мчатся въ рядъ!
Колокольчики звенятъ,
Серебристымъ легкимъ звономъ слухъ нашъ сладостно томятъ,
Этимъ пѣньемъ и гудѣньемъ о забвеньи говорятъ.
О, какъ звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смѣхъ ребенка,
Въ ясномъ воздухѣ ночномъ
Говорятъ они о томъ,
Что за днями заблужденья
Наступаетъ возрожденье,
Что волшебно наслажденье — наслажденье нѣжнымъ сномъ.
Сани мчатся, мчатся въ рядъ,
Колокольчики звенятъ,
Звѣзды слушаютъ, какъ сани, убѣгая, говорятъ,
И, внимая имъ, горятъ,
И мечтая, и блистая, въ небѣ духами парятъ;
И измѣнчивымъ сіяньемъ
Молчаливымъ обаяньемъ,
Вмѣстѣ съ звономъ, вмѣстѣ съ пѣньемъ о забвеньи говорятъ.

2

Слышишь, къ свадьбѣ звонъ святой,
Золотой!
Сколько нѣжнаго блаженства въ этой пѣснѣ молодой!
Сквозь спокойный воздухъ ночи
Словно смотрятъ чьи-то очи,
И блестятъ,
Изъ волны пѣвучихъ звуковъ на луну они глядятъ,
Изъ призывныхъ дивныхъ келій,
Полны сказочныхъ веселій,
Наростая, упадая, брызги свѣтлыя летятъ.
Вновь потухнутъ, вновь блестятъ,
И роняютъ свѣтлый взглядъ
На грядущее, гдѣ дремлетъ безмятежность нѣжныхъ сновъ,
Возвѣщаемыхъ согласьемъ золотыхъ колоколовъ.

3

Слышишь, воющій набатъ,
Точно стонетъ мѣдный адъ!
Эти звуки, въ дикой мукѣ, сказку ужасовъ твердятъ.
Точно молятъ имъ помочь,
Крикъ кидаютъ прямо въ ночь,
Прямо въ уши темной ночи
Каждый звукъ,
То длиннѣе, то короче,
Выкликаетъ свой испугъ, —
И испугъ ихъ такъ великъ,
Такъ безуменъ каждый крикъ,
Что разорванные звоны, неспособные звучать,

Могутъ только биться, виться, и кричать,
кричать, кричать!
Только плакать о пощадѣ,
И къ пылающей громадѣ
Вопли скорби о́ращать!
А межь тѣмъ огонь безумный,
И глухой и многошумный,
Все горитъ,
То изъ оконъ, то по крышѣ,
Мчится выше, выше, выше,
И какъ будто говоритъ: —
Я хочу
Выше мчаться, разгораться, встрѣчу лунному лучу,
Иль умру, иль тотчасъ — тотчасъ вплоть до
мѣсяца взлечу!
О, набатъ, набатъ, набатъ,
Если бъ ты вернулъ назадъ
Этотъ ужасъ, это пламя, эту искру, этотъ
взглядъ,
Этотъ первый взглядъ огня,
О которомъ ты вѣщаешь, съ плачемъ, съ воплемъ,
и звеня!
А теперь намъ нѣтъ спасенья,
Всюду пламя и кипѣнье,
Всюду страхъ и возмущенье!
Твой призывъ,
Дикихъ звуковъ несогласность
Возвѣщаетъ намъ опасность,
То ростетъ бѣда глухая, то спадаетъ какъ
приливъ!
Слухъ нашъ чутко ловитъ волны въ перемѣнѣ
звуковой,
Вновь спадаетъ, вновь рыдаетъ мѣдно-стонущій
прибой!

4

Похоронный слышенъ звонъ,
Долгій звонъ!
Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни
кончены сонъ,
Звукъ желѣзный возвѣщаетъ о печали похоронъ!
И невольно мы дрожимъ,
Отъ забавъ своихъ спѣшимъ.
И рыдаемъ, вспоминаемъ, что и мы глаза смежимъ.
Неизмѣнно-монотонный
Этотъ возгласъ отдаленный,
Похоронный тяжкій звонъ,
Точно стонъ,
Скорбный, гнѣвный,
И плачевный,
Выростаетъ въ долгій гулъ,
Возвѣщаетъ, что страдалецъ непробуднымъ
сномъ уснулъ.
Въ колокольныхъ кельяхъ ржавыхъ,
Онъ для правыхъ и неправыхъ
Грозно вторитъ объ одномъ: —
Что на сердцѣ будетъ камень, что глаза сом-
кнутся сномъ.
Факелъ траурный горитъ,
Съ колокольни кто-то крикнулъ, кто-то громко
говоритъ,
Кто то черный тамъ стоитъ,
И хохочетъ, и гремитъ,
И гудитъ, гудитъ, гудитъ,
Къ колокольнѣ припадаетъ,
Гулкій колоколъ качаетъ,
Гулкій колоколъ рыдаетъ,
Стонетъ въ воздухѣ нѣмомъ,
И протяжно возвѣщаетъ о покоѣ гробовомъ.

Фейная страна

Долы дымные — потоки
Тѣневые — и лѣса,
Что глядятъ какъ небеса,
Многооблачно-широки,
Въ нихъ невѣрная краса,
Формы ихъ неразличимы,
Всюду слезы, словно дымы;
Луны таютъ и ростутъ —
Шаръ огромный тамъ и тутъ —
Снова луны — снова — снова —
Каждый мигъ поры ночной
Озаряется луной,
Ищутъ мѣста все иного,
Угашаютъ звѣздный свѣтъ,
Въ блѣдныхъ ликахъ жизни нѣтъ.
Чуть на лунномъ циферблатѣ
Знакъ двѣнадцати часовъ, —
Та, въ которой больше сновъ,
Больше дымной благодати,
(Это чара въ той странѣ,
Говоритъ луна лунѣ),
Сходитъ ниже, — сходитъ ниже —
На горѣ на верховой
Ставитъ шаръ горящій свой —
И повсюду — дальше — ближе —
Въ легкихъ складкахъ блѣдныхъ сновъ
Расширяется покровъ
Надъ деревней, надъ полями,

Надъ чертогами, вездѣ —
Надъ лѣсами и морями,
По землѣ и по водѣ —
И надъ духомъ, что крылами
Въ грезѣ вѣетъ — надо всѣмъ, —
Что дремотствуетъ межъ тѣмъ —
Ихъ заводитъ совершенно
Въ лабиринтъ своихъ лучей,
Въ тѣхъ извивахъ держитъ плѣнно,
И глубоко, сокровенно,
О, глубоко, межъ тѣней,
Спитъ луна, и души съ ней.
Утромъ, въ свѣтѣ позолоты,
Встанутъ, скинутъ страсть дремоты,
Мчится лунный ихъ покровъ
Въ небесахъ, межъ облаковъ.
Въ летѣ бурь они носимы,
Колыбелясь между грозъ —
Какъ изъ жерлъ вулкановъ дымы,
Или желтый Альбатросъ.
Для одной и той же цѣли
Та палатка, та луна
Имъ ужь больше не нужна —
Вмигъ дождями полетѣли
Блески-атомы тѣхъ сновъ,
И, мѣняясь, заблестѣли
На крылахъ у мотыльковъ,
Тѣхъ, что, будучи земными,
Улетаютъ въ небеса,
Ниспускаются цвѣтными,
(Прихоть сна владѣетъ ими!),
Ихъ крылами расписными
Свѣтитъ вышняя краса.

Улялюмъ

Небеса были сѣраго цвѣта,
Были сухи и скорбны листы,
Были сжаты и смяты листы,
За огнемъ отгорѣвшаго лѣта
Ночь пришла, сонъ глухой черноты,
Близь туманнаго озера Оберъ,
Тамъ, гдѣ сходятся вѣдьмы на пиръ,
Гдѣ лѣсной заколдованный міръ,
Возлѣ дымнаго озера Оберъ,
Въ зачарованной области Виръ.

Тамъ однажды, въ аллеѣ Титановъ,
Я съ моею Душою блуждалъ,
Я съ Психеей, съ Душою блуждалъ.
Въ эти дни трепетанья вулкановъ
Я сердечнымъ огнемъ побѣждалъ,
Я спѣшилъ, я горѣлъ, я блисталъ, —
Точно сѣрные токи на Яникъ,
Бороздящіе горный оплотъ,
Возлѣ полюса, токи, что Яникъ
Покидаютъ, струясь отъ высотъ.

Мы мѣнялися лаской привѣта,
Но въ глазахъ затаилася мгла,
Наша память невѣрной была,
Мы забыли, что умерло лѣто,

Что октябрьская полночь пришла,
Мы забыли, что осень пришла,
И не вспомнили озеро Оберъ,
Гдѣ открылся намъ нѣкогда міръ,
Это дымное озеро Оберъ,
И излюбленный вѣдьмами Виръ.

Но когда уже ночь постарѣла,
И на звѣздныхъ небесныхъ часахъ
Былъ намекъ на разсвѣтъ въ небесахъ, —
Что-то облачнымъ сномъ забѣлѣло
Передъ нами, въ неясныхъ лучахъ,
И внезапно предсталъ серебристый
Полумѣсяцъ, двурогой чертой,
Полумѣсяцъ Астарты лучистый,
Очевидный двойной красотой.

Я промолвилъ: — «Астарта нѣжнѣе
«И теплѣй, чѣмъ Діана, она —
«Въ царствѣ вздоховъ, и вздоховъ полна: —
«Увидавъ, что, въ тоскѣ не слабѣя,
«Здѣсь душа затомилась одна, —
«Чрезъ созвѣздіе Льва проникая,
«Показала она въ облакахъ
«Путь къ забвенной тиши въ небесахъ,
«И чело передъ Львомъ не склоняя,
«Съ нѣжной лаской въ горящихъ глазахъ,
«Надъ берлогою Льва возникая,
Засвѣтилась для насъ въ небесахъ.»

Но Психея, свой перстъ поднимая,
«Я не вѣрю», промолвила, «въ сны
«Этой блѣдной богини Весны.
«О, не медли, — въ ней блѣдность больная!

«О, бѣжимъ! Поспѣшимъ! Мы должны!»
И въ испугѣ, въ истомѣ безсилья,
Не хотѣла, чтобъ дальше мы шли,
И ея ослабѣвшія крылья
Опускались до самой земли —
И влачились, влачились въ пыли.

Я отвѣтилъ: — «То страхъ лишь напрасный,
«Устремимся на трепетный свѣтъ,
«Въ немъ кристальность, обмана въ немъ нѣтъ,
«Сибиллически-ярко-прекрасный,
«Въ немъ Надежды манящій привѣтъ,
«Онъ сквозь ночь намъ роняетъ свой слѣдъ,
«О, увѣруемъ въ это сіянье,
«Такъ зоветъ оно вкрадчиво къ снамъ,
«Такъ правдивы его обѣщанья
«Быть звѣздой путеводною намъ,
«Быть призывомъ, сквозь ночь, къ Небесамъ!»

Такъ ласкалъ, утѣшалъ я Психею
Толкованіемъ звѣздныхъ судебъ,
Зоркій страхъ въ ней утихъ и ослѣпъ.
И прошли до конца мы аллею,
И внезапно увидѣли склепъ,
Съ круговымъ начертаніемъ склепъ.
«Что гласитъ эта надпись?» — сказалъ я,
И какъ вѣтра осенняго шумъ,
Этотъ вздохъ, этотъ стонъ услыхалъ я: —
«Ты не зналъ? Улялюмъ — Улялюмъ —
«Здѣсь могила твоей Улялюмъ».

И сраженный словами отвѣта,
Задрожавъ, какъ на вѣткѣ листы,
Какъ сухіе подъ вѣтромъ листы,
Я вскричалъ: — «Значитъ, умерло лѣто,
«Это осень, и сонъ черноты,
«Небеса потемнѣвшаго цвѣта.
«Ровно — годъ, какъ на кладбищѣ лѣта
«Я здѣсь ночью октябрьской блуждалъ,
«Я здѣсь съ ношею мертвой блуждалъ,
«Эта ночь была ночь безъ просвѣта,
«Самый годъ въ эту ночь умиралъ, —
«Что за демонъ сюда насъ зазвалъ?
«О, я знаю теперь, это — Оберъ,
«О, я знаю теперь, это — Виръ,
«Это — дымное озеро Оберъ,
«И излюбленный вѣдьмами Виръ.»

Аннабель-Ли

Это было давно, это было давно,
Въ королевствѣ приморской земли: —
Тамъ жила и цвѣла та, что звалась всегда,
Называлася Аннабель-Ли,
Я любилъ быль любимъ, мы любили вдвоемъ,
Только этимъ мы жить и могли.

И, любовью дыша, были оба дѣтьми
Въ королевствѣ приморской земли,
Но любили мы больше, чѣмъ любятъ въ любви, —
Я и нѣжная Аннабель-Ли,
И, взирая на насъ, серафимы небесъ
Той любви намъ простить не могли.

Оттого и случилось когда-то давно,
Въ королевствѣ приморской земли, —
Съ неба вѣтеръ повѣялъ холодный изъ тучъ,
Онъ повѣялъ на Аннабель-Ли;
И родные толпой многознатной сошлись,
И ее отъ меня унесли,
Чтобъ навѣки ее положить въ саркофагъ,
Въ королевствѣ приморской земли.

Половины такого блаженства узнать
Серафимы въ раю не могли, —

Оттого и случилось, (какъ вѣдомо всѣмъ
Въ королевствѣ приморской земли), —
Вѣтеръ ночью повѣялъ холодный изъ тучъ
И убилъ мою Аннабель-Ли.

Но, любя, мы любили сильнѣй и полнѣй
Тѣхъ, что старости бремя несли, —
Тѣхъ, что мудростью насъ превзошли, —
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу съ душой
Обольстительной Аннабель-Ли.

И всегда лучъ луны навѣваетъ мнѣ сны
О плѣнительной Аннабель-Ли;
И зажжется ль звѣзда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель-Ли;
И въ мерцаньи ночей я все съ ней, я все съ ней,
Съ незабвенной — съ невѣстой — съ любовью моей —
Рядомъ съ ней распростертъ я вдали,
Въ саркофагѣ приморской земли.

«При паденьи листовъ...»

Знаешь ли ты при паденьи листовъ,
Эту томительность долгой печали?
Скорби сплетаютъ давно ужь сплетали,
Сердцу могильный покровъ,
Спятъ утѣшенія словъ
При паденьи осеннихъ листовъ.

Стынутъ главнѣйшія мысли напрасно,
Стынутъ главнѣйшія мысли ума,
Осень, и падаютъ листья, ненастно, —
Знаешь ты это? Все въ жизни напрасно,
На все налегла полутьма.

Знаешь ли ты ощущеніе жатвы,
При паденіи долгомъ осеннихъ листовъ?
Ощущенье скользящихъ серповъ?
Ты молчишь, какъ святыня забытая клятвы,
Ты молчишь, какъ скучающій снопъ межь снопов,
При паденьи осеннихъ листовъ.

Въ садъ міровой

Въ садъ міровой опять восходя,
Мощныя пары, сыновъ, дочерей, предваряя,
как въ пѣснѣ вступленіе,
Любовь, жизнь ихъ тѣлъ, значеніе и бытіе, —
Послѣ дремоты воскреснувъ,
Ибо, въ возвратѣ своемъ, могучіе циклы опять
меня возродили, —
Полный любовности, зрѣлый, весь прекрасный,
самъ для себя весь удивительный,
Съ членами сильными, и съ дрожащимъ огнемъ,
что въ нихъ играетъ всегда по причи-
намъ чудеснѣйшимъ,
Существуя, я все еще пристальный взоръ
устремляю, и я проницаю,
Настоящимъ довольный, довольный прошед-
шимъ,
Рядомъ со мной, или сзади меня, слѣдуетъ Ева,
Или предо мной, и я за нею иду, тотъ же самый.

Одинъ часъ безумья и радости

Одинъ часъ безумья и радости! О, изступленный! не умѣряй меня!
(Что̀ это такъ освобождаетъ меня въ этихъ буряхъ?
Что̀ означаютъ вскрики мои среди молній и бѣшеныхъ вѣтровъ?)
О, испить мистическихъ бредовъ глубже, чѣмъ кто бы то ни было!
О, дикія и нѣжныя боли! (я ихъ вамъ завѣщаю, дѣти мои,
Я ихъ вамъ возвѣщаю, не безъ причины, о, женихъ и невѣста!)

О, отдаться тебѣ, кто бъ ты ни былъ, и взять тебя мнѣ отдающуюся вопреки всему міру!
Возвратиться въ Рай! О, стыдливая, женственная!
Привлечь тебя близко къ себѣ, и впервые прижать къ тебѣ губы мужчины, который рѣшителенъ.

О, смущеніе, трижды завязанный узелъ, глубокій и темный прудъ, весь свободный и свѣтомъ залитый.
О, умчаться туда, гдѣ наконецъ достаточно мѣста, достаточно воздуха!

Быть вольнымъ отъ прежнихъ цѣпей и условностей, я отъ моихъ, и ты отъ твоихъ!

Найти неожиданно лучшее, что есть въ природѣ и имъ наслаждаться небрежно!
Почувствовать ротъ свой свободнымъ, который былъ замкнутъ!
Почувствовать ясно, что нынче, или когда бы то ни было я доволенъ собой, я доволенъ!
О, что-то, чего я не зналъ! что-то во снѣ заколдованномъ,
Ускользнуть совершенно отъ всякихъ зацѣпокъ чужихъ, отъ якорей, трюмовъ!

Вольно нестись! Вольно любить! Броситься прямо въ опасность безъ удержу!
Гибель дразнить, звать ее — ну-ка, поди сюда!
Восходить, возлетать къ небесамъ любви, мнѣ назначенной!
Подниматься туда своей опьяненной душой!
Потеряться, разъ это нужно!
Напитать весь остатокъ жизни часомъ, часомъ однимъ полноты и свободы!
Однимъ короткимъ часомъ безумья и радости!

Я васъ слышалъ, торжественно-нѣжныя трубы органа

Я васъ слышалъ, торжественно-нѣжныя трубы органа, когда въ воскресенье послѣднее утромъ я шелъ мимо церкви,
Осенніе вѣтры, когда я гулялъ въ сумерки въ чащѣ лѣсной, я слышалъ протяжные скорбные ваши вздохи между вершинъ.
Я слышалъ чудеснаго тенора, итальянскаго тенора въ оперѣ, я слышалъ сопрано въ квартетѣ.
Сердце любви моей! Также тебя я слышалъ, какъ черезъ руку тихонько шептала ты, сквозь одну изъ кистей, охватившихъ меня вкругъ моей головы,
Слышалъ біеніе крови твоей, межъ тѣмъ какъ подъ ухомъ моимъ этой прошлой ночью колокольчиковъ маленькихъ звонъ, не смолкая, звенѣлъ.

Мы двое, какъ долго мы были обмануты

Мы двое, какъ долго мы были обмануты, да, одурачены,
Теперь, претворенные, мы ускользаемъ быстро, какъ ускользаетъ природа,
Мы — Природа, мы долго были въ отсутствіи, но теперь возвращаемся,
Мы становимся теперь растеньями, стволами, листвою, корнями корою,
Мы въ почвѣ лежимъ, какъ въ постели, мы скалы,
Мы дубы, мы ростемъ въ расщелинахъ, другъ возлѣ друга,
Мы пасемся, мы двое средь дикихъ стадъ, какъ любой — непосредственны,
Мы двѣ рыбы, плывущія въ морѣ вмѣстѣ,
Мы цвѣты рожковаго дерева, мы роняемъ нашъ ароматъ надъ тропинками утромъ и вечеромъ,
Мы также грубая грязь — безстыдство звѣрей, растеній, камней,
Мы два хищные ястреба, мы паримъ высоко, не смотримъ внизъ,
Мы два лучезарныя солнца, это мы, что такъ въ равновѣсьи качаемся,

Сферическіе и звѣздные, это мы, мы какъ двѣ кометы,
Четвероногіе, въ чащѣ лѣсной мы бродимъ съ своими клыками, настигаемъ добычу прыжкомъ,
Мы два облака утра и вечера, плывущія тамъ высоко,
Мы два смѣшавшіяся моря, мы двѣ изъ веселыхъ тѣхъ волнъ, что одна забѣжитъ на другую, и обѣ другъ друга омочатъ,
Мы то же, что атмосфера, прозрачные, воспринимающіе, проницаемые, непроницаемые.
Мы снѣгъ, дождь, холодъ и мракъ, мы каждый созданье, вліяніе этого шара,
Мы кружились, кружились, пока не вернулись опять домой, мы двое;
Мы все опорожнили, сдѣлали все недѣйствительнымъ, кромѣ свободы, и нашей собственной радости.

Ласка орловъ

Идя вдоль рѣки по дорогѣ (это утромъ мой
отдыхъ, прогулка),
Я въ воздухѣ, тамъ ближе къ небу, заглушенный
услышалъ звукъ;
Внезапная ласка орловъ, любовная схватка въ
пространствѣ,
Сплетеніе вмѣстѣ высоко, сомкнутые сжатые
когти,
Вращеніе, бѣшенство, ярость живого вверху
колеса,
Четыре могучихъ крыла, два клюва, сцѣпленіе
массы,
Верченье, круженье комка, разрывы его и
увертки,
Прямое паденіе внизъ, покуда, застывъ надъ
рѣкою,
Два вмѣстѣ не стали одно, въ блаженномъ мгно-
веньи затишья,
Вотъ, въ воздухѣ медлятъ они въ недвижномъ
еще равновѣсьи,
Разлука, и втянуты когти, и вотъ они, медленно,
снова
На крѣпкихъ и вѣрныхъ крылахъ, вкось, въ
разномъ отдѣльномъ полетѣ,
Летятъ, онъ своею дорогой, своею дорогой она.

Изъ океана толпы, изъ моря ревущаго

Изъ океана толпы, изъ моря ревущаго, нѣжно
дошла до меня капля одна,
шепчетъ, Тебя я люблю, чуть время
пройдетъ и умру я,
Долгій путь я прошла, чтобы только взглянуть
на тебя, къ тебѣ прикоснуться,
Ибо я не могла умереть — на тебя не взглянувши
хоть разъ,
Я боялась, что я иначе, быть можетъ, тебя потеряю.
Вотъ мы встрѣтились, мы увидались теперь, мы
не погибли,
Съ миромъ вернись въ океанъ, любовь моя,
Я тоже вѣдь часть въ океанѣ этомъ, любовь моя,
не такъ уже мы раздѣльны,
Погляди на округлость великую, на слитность
всего, о, какъ совершенно!
Но чтò до меня, до тебя, неудержное море
должно разлучать насъ,
На часъ по различнымъ путямъ унося насъ,
но не можетъ оно унести насъ врозь
навсегда;
Будь терпѣлива — немножко — ты знаешь, я
воздухъ привѣтствую, говорю съ океаномъ и сушей,
Каждый день на закатѣ солнца во имя твое,
Любовь моя.

Какъ Адамъ раннимъ утромъ

Какъ Адамъ раннимъ утромъ,
Выхожу изъ ночной я бесѣдки, освѣженный
сномъ,
Глядите, какъ я прохожу, услышьте мой голосъ,
приблизьтесь.
Прикоснитесь ко мнѣ, прикоснитесь ладонью
руки
До тѣла, пока прохожу я,
Не бойтесь, не страшно
Тѣло мое.

Тотъ, кого я люблю днемъ и ночью

Тотъ, кого я люблю днемъ и ночью, мнѣ снилось, сказали мнѣ, умеръ,
И мнѣ снилось, пошелъ я туда, гдѣ они схоронили того, кто мнѣ дорогъ,
Но въ томъ мѣстѣ онъ не былъ,
И мнѣ снилось, что я проходилъ и искалъ между мѣстъ погребальныхъ,
Чтобъ найти его,
И увидѣлъ, что каждое мѣсто —
Погребальное было,
Дома, что исполнены жизни, исполнены были и смерти,
(Вотъ и этотъ теперь),
Улицы, и корабли, и мѣста развлеченья,
Чикаго, Бостонъ, Маннагатта, Филадельфія, были полны мертвецами, не только живыми,
Мертвецовъ было больше повсюду, о, больше гораздо;
И то, что мнѣ снилось, хочу говорить я отнынѣ всѣмъ людямъ и всѣмъ поколѣньямъ,
И связанъ отнынѣ я съ тѣмъ, что мнѣ снилось,
И нынѣ я знать не хочу всѣхъ мѣстъ погребальныхъ;
И хочу я безъ нихъ обходиться,

И, еслибъ въ честь мертвыхъ поставленъ былъ
памятникъ гдѣ бы то ни было,
Хоть тамъ, гдѣ я ѣмъ и гдѣ сплю — я былъ бы
доволенъ,
И если тѣло того, кто мнѣ дорогъ, иль собственный трупъ мой,
Въ прахъ, образомъ должнымъ, сведется, и
прахомъ низвергнется въ море,
Я буду доволенъ,
Или, если вѣтрамъ его бросятъ,
Я буду доволенъ.

Спящіе

Я блуждаю всю ночь въ сновидѣньи,
Я шагаю легко, я шагаю безшумно и быстро, останавливаюсь,
Наклоняюсь съ глазами раскрытыми надъ глазами закрытыми спящихъ,
Я блуждаю, смущаюсь, теряюсь, себя забываю, не согласуюсь, противорѣчу,
Медлю, гляжу, наклоняюсь, на мѣстѣ стою.

Какъ торжественно, тихо лежатъ они,
Какъ дышутъ спокойно они, дѣти въ своихъ колыбеляхъ.

Несчастныя вижу черты людей пресыщенныхъ, облики бѣлые труповъ, багровыя лица пьяницъ, болѣзненно сѣрыя лица тѣхъ, что сами ласкаютъ себя,
Тѣла на поляхъ сраженья, съ кровью глубокихъ ранъ, сумасшедшіе въ комнатахъ наглухо запертыхъ, дурачки невинно-блаженные, новорожденные, эти изъ вратъ исходящіе, и умирающіе, эти изъ вратъ исходящіе,
Ночь проникаетъ ихъ, ночь ихъ объемлетъ.

Брачная спитъ чета спокойно въ своей постели,
онъ положилъ ладонь на бедро супруги,
она положила свою ладонь на бедро супруга,
Сестры нѣжно спятъ бокъ о бокъ въ своей постели,
Мужчины нѣжно спятъ бокъ о бокъ въ постеляхъ своихъ,
И спитъ съ ребенкомъ своимъ мать, закутавъ его.

Слѣпые крѣпко спятъ, глухіе спятъ и нѣмые,
Спитъ узникъ спокойно въ тюрьмѣ, и спитъ блудный сынъ,
Убійца, что будетъ повѣшенъ завтра, какъ спитъ, какъ спитъ онъ?
И тотъ, кто убитъ, какъ онъ спитъ?
Спитъ женщина, любящая безъ взаимности,
Спитъ мужчина, любящій безъ взаимности,
И спитъ голова того, кто весь день строилъ планы, и деньги, и деньги сколачивалъ,
И тотъ, кто характеромъ бѣшенъ, и тотъ, кто предатель, всѣ спятъ.

Я стою въ темнотѣ, опустивши глаза близъ тѣхъ, кто страдаетъ всего и всего безпокойнѣй,
Я на нѣсколько дюймовъ отъ нихъ рукою своей провожу, успокаивая.

Я взоромъ пронзаю тьму, существа иныя являются,
Земля отъ меня отступаетъ въ ночь,
Я вижу, что это было красиво, и я вижу, что то, что не земля, красиво.

Я иду отъ постели къ постели, я сплю съ другими
спящими, съ каждымъ рядомъ по очереди.
Мнѣ снятся во снѣ моемъ сны, всѣ сны другихъ
уснувшихъ,
И я становлюсь другими уснувшими, спящими.
Я пл ıска — играйте вы тамъ! я кружусь все
скорѣй и скорѣе!
Я вѣчно-смѣющійся, — вотъ, новая свѣтитъ луна,
и сумерки,
Я вижу веселыя игры, въ прятки, куда ни
взгляну я, повсюду проворные духи,
Вновь прятки, и прятки опять, глубоко въ
землѣ и въ морѣ,
И тамъ, гдѣ не море, и гдѣ не земля.

Изъ колыбели безконечно баюкающей

Изъ колыбели безконечно баюкающей,
Изъ горла птицы-пересмѣшника, музыкальный челнокъ,
Изъ полночи Девятаго мѣсяца,
Надъ песками безплодными и полями, что тамъ вдали, гдѣ ребенокъ, оставивъ постель свою, блуждалъ одиноко, босой, съ головой обнаженной,
Внизъ изъ упавшаго свѣтлымъ дождемъ ореола,
Вверхъ изъ мистической этой игры тѣней, переплетающихся, обнимающихся, какъ будто бы были онѣ живыя,
Изъ массовыхъ пятенъ терновника и ежевики,
Изъ воспоминаній о птицѣ, которая пѣла мнѣ,
Изъ воспоминаній о тебѣ, грустный братъ, изъ этихъ прерывистыхъ подъятій и паденій, которыя я слышалъ,
Изъ-подъ этой желтой половинной луны, поздно вставшей и распухшей, какъ будто отъ слезъ,
Изъ этихъ начальныхъ нотъ любви и томленья въ туманѣ,
Изъ тысячи отвѣтовъ моего сердца, никогда не кончающихся,
Изъ миріадъ отсюда возникшихъ словъ,

Изъ слова сильнѣе и сладостнѣй, чѣмъ какое
бъ то ни было,
Изъ словъ такихъ, какъ они возникаютъ теперь
при посѣщенiи вновь этой сцены,
Какъ стая, щебечущая, взлетающая, или кверху
пролетающая,
Проворно сюда устремившись, прежде чѣмъ
всѣ исчезнуть,
Мужъ зрѣлый, но вотъ, въ силу этихъ слезъ,
малый мальчикъ опять,
Бросившись здѣсь на песокъ, лицомъ предъ
волнами,
Я, пѣвецъ страданiй и радостей, соединитель
того, что здѣсь, и грядущаго,
Берущiй всѣ указанья, чтобы ихъ примѣнить,
но быстро за нихъ убѣгающiй,
Воспоминанье пою,
Помэнокъ бывшихъ дней,
Когда въ воздухѣ былъ ароматъ сирени и росла
трава Пятаго мѣсяца,
Вверху, на этомъ морскомъ берегу, въ терновомъ
кустарникѣ,
Два пернатые гостя изъ Алабамы, два вмѣстѣ,
И гнѣздо ихъ, и четыре свѣтло-зеленыхъ яйца
съ коричневыми крапинками,
И каждый день самецъ тутъ и тамъ пролеталъ
все близко,
И каждый день самка сидѣла въ гнѣздѣ, без-
гласная, съ глазами блестящими,
И каждый день я, любопытный мальчикъ, ни-
когда слишкомъ близко, никогда не
мѣшая имъ,
Осторожно смотря внимательнымъ взглядомъ,
вбирая въ себя, переводя.

Сіяй! сіяй! сіяй!
Низливай теплоту свою, солнце великое!
Пока мы здѣсь грѣемся, мы оба вмѣстѣ.

Оба вмѣстѣ!
Вѣтры вѣютъ на Югъ, вѣтры вѣютъ на Сѣверъ,
День бѣлымъ приходитъ, ночь черной приходитъ,
Дома, на рѣчкахъ, въ горахъ, не дома,
Съ пѣсней все время, не помня о времени,
Пока мы оба здѣсь вмѣстѣ.

И вдругъ,
Быть можетъ, убита, объ этомъ товарищъ не зналъ,
Въ полдень одинъ, самка больше въ гнѣздѣ не сидѣла,
И послѣ полудня она не вернулась, ни день спустя,
И никогда уже больше не появилась.
Съ той поры все лѣто въ говорѣ моря,
И ночью подъ полною круглой луной въ болѣе тихое время,
Надъ хриплымъ прибоемъ морскимъ,
Или порхая съ куста на кустъ въ терновникѣ днемъ,
Я видѣлъ, я слышалъ, время отъ времени, одного самца осиротѣлаго,
Одинокаго гостя изъ Алабамы.

Вѣй! вѣй! вѣй!
Вѣй вѣтеръ моря, вдоль береговъ Помэнока!
Я жду и все жду, когда ты привѣешь мнѣ вѣяньемъ подругу мою.

Да, когда звѣзды блистали,
Всю ночь на зубцѣ вѣхи, иззубренной мхами,
Внизу почти среди волнъ съ ихъ захлестываньемъ,
Сидѣлъ одинокій пѣвецъ, дивно рождая слезы.

Подругу свою онъ звалъ,
Онъ изливалъ значенія, которыя знаю изъ всѣхъ людей только я.

Да, братъ мой, я знаю,
Другіе того не могли бы, но я сохранилъ твою каждую ноту,
Ибо не разъ, о, не разъ, смутно скользя къ этой бухтѣ,
Безмолвный, избѣгая сіяющихъ лунныхъ лучей, сливаясь съ тѣнями,
Отзывая теперь туманныя формы, отзвуки эти, звуки и всѣ очертанья различныя въ ихъ раздѣленьяхъ,
Неутомимо бѣлыя руки въ кипѣньи буруна кидая,
Я, съ ногами босыми, ребенокъ, съ волосами, вѣтромъ разметанными,
Долго и долго внималъ.

Баюкай! баюкай! баюкай!
Вплоть за волной другая волна нѣжно ее баюкаетъ,
И снова другая, опять набѣгаетъ, опять обнимаетъ, и каждая тѣсно къ другой.
Но меня любовь моя не баюкаетъ, нѣтъ, не баюкаетъ.
Низко нависла луна, встала она такъ поздно,
Медлитъ луна — отяжелѣла она, любовью навѣрно, любовью.
О, сумасшедшее море толкается въ сушу, еще,
Съ любовью, съ любовью.
О, ночь! не любовь ли моя, вонъ я вижу, порхаетъ и вьется въ кипѣньи буруна?
Что это тамъ за черная малая точка, я вижу, тамъ въ бѣломъ?

Громко! громко! громко!
Громко тебя я зову, любовь моя.
Звонко и четко я устремляю мой голосъ впередъ надъ волнами,
О, конечно должна ты узнать, кто здѣсь, кто здѣсь,
Ты должна знать, кто я, любовь моя.
Низко нависла луна!
Что тамъ за смутная точка въ темной твоей желтизнѣ?
О, это обликъ, обликъ подруги моей!
О, луна не держи ее больше, не отнимай у меня.

Земля! земля! о, земля!
Куда бы я путь ни направилъ, о, я думаю, ты мнѣ могла бы отдать назадъ подругу мою, если бы только ты захотѣла,
Потому что почти я увѣренъ, что смутно я вижу ее, куда бъ ни взглянулъ.
О, встающія звѣзды!
Быть можетъ, та, кого мнѣ такъ нужно, встанетъ однажды, встанетъ съ одной изъ васъ.

О, горло! Дрожащее горло!
Яснѣе звени черезъ воздухъ!
Землю пронзай и лѣса,
Гдѣ-нибудъ слушаетъ, слушаетъ, чтобы услышать тебя, та, кого мнѣ такъ нужно.
Выбрасывай пѣсни!
Здѣсь одинокія, пѣсни ночныя!
Пѣсни любви одинокой! пѣніе смерти!
Пѣсни подъ этой замедлившей желтой ущербной луной!
О, подъ этой луной, гдѣ она наклоняется, падаетъ въ самое море!
О, безразсудныя пѣсни, звуки отчаянья!
Но тише! тихонько, постой!
Я буду чуть слышно вздыхать,
И ты многошумное хриплое море, помедли минутку,
Мнѣ кажется, гдѣ-то я слышалъ, мнѣ подруга моя отвѣчаетъ,

Такъ слабо, я буду тихонько, я буду
тихонько внимать,
Но не умолкну совсѣмъ, а то она сразу
не будетъ знать, куда придти
ко мнѣ.

Сюда, любовь моя!
Здѣсь я! здѣсь!
Этимъ сдержаннымъ звукомъ о себѣ я
тебѣ возвѣщаю.
Этотъ нѣжный призывъ для тебя, для
тебя, любовь моя.
Пусть тебя никуда не заманятъ,
Вотъ это — свистъ вѣтра, это голосъ не
мой,
Вотъ это — порханье, порханіе пѣны,
Вотъ это — тѣни листвы.

О, тьма! О, напрасно!
О, я истомился въ конецъ и скорблю.
О, смутный кругъ въ небесахъ возлѣ
луны, упадающій внизъ на море!
О, отраженье смущенное въ морѣ!
О, горло! О, трепетное сердце!
Я пою безплодно, безплодно всю ночь,
О, прошлое! О, счастливая жизнь! О
пѣсни восторга!
Въ воздухѣ, въ чащѣ лѣсной, на поляхъ,
Любимый! любимый! любимый! любимый!
любимый!
Но подруги моей больше нѣтъ, больше
нѣтъ со мной.
Мы оба больше не вмѣстѣ.
Арія падаетъ,

Все другое по прежнему длится, звѣзды сіяютъ,
Вѣтры вздыхаютъ и вѣютъ, безпрерывно звучатъ, какъ клики и отклики, звуки птичьяго голоса,
Съ сердитою жалобой гнѣвная старая мать ворчитъ и все жалуется,
На пескахъ Помэнока, сѣдая, шуршитъ на прибрежьи,
Желтый обликъ луны, половинный,—возросшій, изогнутый, упадая, почти ужъ касается облика моря,
Мальчикъ, объятый экстазомъ, волны играютъ ногами босыми его, волосами вѣтры играютъ.
Любовь взаперти была въ сердцѣ такъ долго, теперь наконецъ на свободѣ, безумствуетъ, вырвалась,
Значеніе пѣсни, слухъ, душу, быстро являетъ,
Странныя слезы бѣгутъ по щекамъ,
Бесѣда, втроемъ, каждый рѣчь свою держитъ,
Нижній тонъ, мать древняя, дикая, плачетъ безостановочно,
Приноровляясь угрюмо къ душѣ этой дѣтской, въ шипѣньи ему повѣствуя немного изъ тайнъ потонувшихъ,
Ихъ слушаетъ онъ, начинающій бардъ.

Демонъ иль птица! (сказала душа ребенка),
Вправду ли это къ подругѣ своей ты поешь? или воистину это ко мнѣ?
Ибо я, что мальчикомъ былъ, съ рѣчью, дремотой объятою, нынѣ услышалъ тебя,
Въ мигъ единый, теперь я узналъ, что я такое, я пробудился

И ужь тысячи звонкихъ пѣвцовъ, тысячи пѣсенъ,
громче, звончѣй, чѣмъ твои, и печальнѣе,
Тысячи откликовъ, звонко щебечущихъ, къ жизни
возникли во мнѣ, и вставъ, не умрутъ.

О, ты одинокій пѣвецъ, поющій самъ по себѣ,
меня какъ тѣнь означающій,
Одиноко внимающій тебѣ никогда продолжать
я твой голосъ не перестану,
Ужь никогда не ускользну я, и отзвуки, отсвѣты,
Крики любви неутоленной никогда ужь не
будутъ мнѣ чужды,
Никогда ужь меня не оставятъ быть тѣмъ
мирнымъ ребенкомъ, какимъ я былъ
передъ этимъ въ ночи,
У моря подъ желтой изгибной луной,
Вѣстникъ тогда пробудился, огонь, сладостный
адъ внутри,
Потребность невѣдомая, мой удѣлъ.
О, дай мнѣ ключъ! (онъ гдѣ-то таится вотъ
здѣсь въ ночи),
Если столько дано мнѣ, дай мнѣ имѣть и больше.

Такъ слово! ибо я завоюю его!
Слово конечное, высшее слово изъ всѣхъ,
Утонченное, посланное — что̀ это? — вотъ, я
слушаю;
Вы его шепчете, вы все время его шептали,
волны морскія?
Такъ это оно съ вашихъ влажныхъ краевъ и
песковъ омоченныхъ?

На это отвѣтствуя, море,

Безъ промедленій, безъ торопливости,
Мнѣ шепнуло сквозь ночь, и явственно передъ разсвѣтомъ,
Пролепетало мнѣ тихое слово, плѣнительное-смерть,
И снова смерть, смерть, смерть, смерть,
Съ мелодическимъ свистомъ, не такъ, какъ птица, и не такъ, какъ сердце мое, пробужденное сердце ребенка,
Но, придвигаясь каймой и какъ будто бы именно мнѣ шелестя у ногъ моихъ,
Вползая оттуда упорно до слуха внимающаго и мягко меня всего омывая,
Смерть, смерть, смерть, смерть, смерть.
Чего не забуду я, —
Но вотъ сливаю пѣсню моего смутнаго демона брата,
Которую мнѣ онъ пропѣлъ въ лунномъ свѣтѣ на прибрежьи сѣдомъ Помэнока,
Съ тысячью пѣсенъ отвѣтныхъ, взятыхъ мной наудачу,
Собственныхъ пѣсенъ моихъ, пробужденныхъ отъ этого часа,
И съ ними ключъ, слово изъ волнъ,
Слово нѣжнѣйшей пѣсни и всѣ пѣснопѣнья,
Это плѣнительно-сильное слово, которое, къ ногамъ моимъ подползая, —
(Или какъ нѣкая старая нянька, что колыбель качаетъ, всю въ свивальникахъ нѣжныхъ, ее къ сторонѣ отклоняя),
Нашептало мнѣ море.

Слезы

Слезы! слезы! слезы!
Въ одиночествѣ, ночью, слезы,
Что, капля за каплей, на берегъ сѣдой, текутъ,
　　　　их впиваетъ песокъ,
Слезы, слезы, нѣтъ ни звѣзды, все пустынно
　　　　и всюду темно,
Влажныя слезы изъ глазъ, на закутанномъ
　　　　чьемъ-то лицѣ.
О, кто этотъ призракъ? тотъ духъ, въ темнотѣ
　　　　и въ слезахъ?
Какъ обрубокъ безформенный, онъ согнулся,
　　　　сидитъ на пескѣ?
И слезы, и вздохи, и муки, онъ задохся отъ
　　　　криковъ безумныхъ;
О, буря, она собралась, возросла, и несется, и
　　　　мчится по отлогому берегу, вдаль!
О, дикая буря ночная, зловѣщая буря, съ вѣ-
　　　　трами — въ ней отчаянье, въ ней
　　　　изверженье!
О, тѣнь, какъ степенна она, какъ пристойна
　　　　при свѣтѣ дневномъ, съ спокойнымъ
　　　　лицомъ и съ размѣреннымъ шагомъ,
Но прочь уходящая ночью, поспѣшно, не видитъ
　　　　никто, —
Тогда разрѣшенъ океанъ
Слезъ! слезъ! слезъ!

Прощай, моя Мечта

Прощай, моя Мечта!
Подруга милая, умершая любовь!
Я ухожу, куда — не знаю.
Не знаю, что̀ въ пути я встрѣчу,
И встрѣтимся ль когда съ тобою снова,
Итакъ, прощай, моя Мечта!
Теперь въ послѣдній разъ — на мигъ дай оглянуться;
Слабѣе тиканье часовъ внутри меня,
Слабѣе, тише,
Конецъ, исходъ, и нисхожденье ночи,
И скоро сердце остановится совсѣмъ.
Мы долго жили, радовались вмѣстѣ, —
Плѣнительно! — ласкали мы другъ друга,
Пришелъ разлуки часъ — прощай, моя Мечта!
Но не давай мнѣ слишкомъ быть поспѣшнымъ.
Воистину мы долго жили, спали,
Переливались, и совсѣмъ смѣшались
Въ одно;
Такъ если мы умремъ, умремъ мы вмѣстѣ,
(Да, мы останемся какъ нѣчто, что одно),
Коль мы куда-нибудь пойдемъ,
Пойдемъ мы вмѣстѣ, чтобы встрѣтить, что случится,
Быть можетъ, лучше будемъ мы и веселѣе,
Научимся чему-нибудь,

Быть можстъ, это ты теперь меня
Ведешь
(Кто знаетъ?) къ пѣснямъ настоящимъ,
Быть можетъ, это ты теперь
Вращаешь смертный узелъ, разрѣшаешь, —
Итакъ, въ послѣдній разъ,
Прощай же — и привѣтъ тебѣ сердечный,
Моя Мечта!

Слезы

О, слезы, слезы, чтò въ васъ, я не знаю,
Изъ глубины какой-то высшей боли
Вы къ сердцу подступаете, къ глазамъ,
Глядящимъ на желтѣющія нивы,
На призракъ дней, которыхъ больше нѣтъ.

Вы свѣжи, словно первый лучъ, что глянулъ
На кораблѣ, любимыхъ намъ вернувшемъ,
Вы грустны, какъ послѣдній лучъ, вдали,
На кораблѣ, увлекшемъ наше счастье,
Такъ грустны дни, которыхъ больше нѣтъ.

О, странно-грустны, какъ въ разсвѣтѣ лѣтнемъ
Крикъ сонныхъ птицъ, сквозь сонъ поющихъ пѣсню
Для гаснущаго слуха, въ часъ, когда
Горитъ окно для гаснущаго взора,
Такъ странны дни, которыхъ больше нѣтъ.

Желанные, какъ сладость поцѣлуевъ,
Какъ сладость ласкъ, что мыслимъ мы съ тоскою
На чуждыхъ намъ устахъ, — и какъ любовь,
Какъ первая любовь, безумны, страстны,
Смерть въ жизни, дни, которыхъ больше нѣтъ.

Кракенъ

Внизу, подъ громомъ верхней глубины,
Тамъ, далеко, подъ пропастями моря,
Издревле, чуждымъ сновъ, безбурнымъ сномъ
Спитъ Кракенъ: Еле зримыя сіянья
Скользятъ вкругъ тѣневыхъ его боковъ;
Надъ нимъ растутъ огромнѣйшія губки
Тысячелѣтней грозной вышины;
И далеко кругомъ, въ мерцаньи тускломъ,
Изъ гротовъ изумительныхъ, изъ тьмы
Разбросанныхъ повсюду тайныхъ келій
Чудовища-полипы, безъ числа,
Гигантскими руками навѣваютъ
Зеленый цвѣтъ дремотствующихъ водъ.
Тамъ онъ вѣка покоился, и будетъ
Онъ тамъ лежать, питаяся во снѣ
Громадными червями океана,
Пока огонь послѣдній бездны моря
Не раскалитъ дыханьемъ, и тогда,
Чтобъ человѣкъ и ангелы однажды
Увидѣли его, онъ съ громкимъ воплемъ
Всплыветъ, и на поверхности умретъ.

[illegible]

[illegible] моего
[illegible]

[illegible] — [illegible]
[illegible] зноя,

[illegible] благоуха-
[illegible]

[illegible] геройскія
[illegible]

[illegible] мудрая
[illegible]

[illegible]
[illegible]

[illegible] мы
[illegible] —

[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible] у [illegible]
[illegible]

[illegible] волъ
[illegible] умчалъ.

3

Мы приплыли на Островъ Молчанья, гдѣ былъ берегъ и тихъ, и высокъ,
Гдѣ прибой океана безмолвно упадалъ на безмолвный песокъ,
Гдѣ беззвучно ключи золотились, и съ угрюмыхъ скалистыхъ громадъ
Какъ застывшій въ порывѣ широкомъ, изливался нѣмой водопадъ.
И, нетронуты бурей, виднѣлись кипарисовъ недвижныхъ черты,
И сосна отъ скалы устремлялась, уходя за предѣлъ высоты,
И высоко на небѣ, высоко, позабывши о пѣснѣ своей,
Замечтавшійся жаворонокъ рѣялъ межъ лазурныхъ бездонныхъ зыбей,
И собака не смѣла залаять, и медлительный быкъ не мычалъ,
И пѣтухъ повторительнымъ крикомъ зарожденье зари не встрѣчалъ,
И мы все обошли, и ни вздоха отъ земли не умчалося въ твердь,
И все было, какъ жизнь, лучезарно, и все было спокойно, какъ смерть.
И мы прокляли Островъ прекрасный, и мы прокляли свѣтлую тишь:—
Мы кричали, но намъ показалось — то кричала летучая мышь,
Такъ былъ тонокъ нашъ голосъ безсильный, такъ былъ слабъ нашъ обманчивый зовъ,
И бойцы, что властительнымъ крикомъ поднимали дружины бойцовъ,

Заставляя на тысячи копій устремляться, о смерти забывъ,
И они, и они онѣмѣли, позабыли могучій призывъ,
И, проникшись взаимной враждою, другъ на друга не смѣли взглянуть.
Мы покинули Островъ Молчанья, и направили дальше свой путь.

4

Мы приблизились къ Острову Криковъ, мы вступили на землю, и вмигъ
Человѣческимъ голосомъ птицы надъ утесами подняли крикъ.
Каждый часъ лишь по разу кричали, и какъ только раскатъ замолкалъ,
Умирали колосья на нивахъ, какъ подстрѣленный, быкъ упадалъ,
Бездыханными падали люди, на стадахъ выступала чума,
И въ очагъ опускалася крыша, и въ огнѣ исчезали дома.
И въ сердцахъ у бойцовъ эти крики отозвались, зажглись, какъ огни,
И протяжно они закричали, и пустилися въ схватку они,
Но я рознялъ бойцовъ ослѣпленныхъ, устремлявшихся грудью на грудь,
И мы птицамъ оставили трупы, и направили дальше свой путь.

5

Мы приплыли на Островъ Цвѣтовъ, ихъ дыханьемъ дышала волна,

Тамъ всегда благовонное Лѣто, и всегда молодая Весна.
Ломоносъ голубѣлъ на утесахъ, страстоцвѣтъ заплетался въ вѣнокъ,
Миріадами вѣнчиковъ нѣжныхъ и мерцалъ, и звѣздился вьюнокъ.
Вмѣсто снѣга покровы изъ лилій покрывали покатости горъ,
Вмѣсто глетчеровъ глыбы изъ лилій уходили въ багряный просторъ,
Между огненныхъ маковъ, тюльпановъ, милліоновъ пурпурныхъ цвѣтовъ,
Между терна и розъ, возникавшихъ изъ кустовъ безъ шиповъ и листовъ.
И уклонъ искрометныхъ утесовъ, какъ потокъ драгоцѣнныхъ камней,
Протянувшись отъ моря до неба, весь игралъ переливомъ огней,
Мы блуждали по мысамъ шафрана, и смотрѣли, какъ островъ блеститъ,
Возлежали на ложахъ изъ лилій, и гласили, что Финнъ побѣдитъ.
И засыпаны были мы пылью, золотистою пылью цвѣтовъ,
И томились мы жгучею жаждой, и напрасно искали плодовъ,
Все цвѣты и цвѣты за цвѣтами, все блистаютъ цвѣты пеленой,
И мы прокляли Островъ цвѣтущій, какъ мы прокляли островъ нѣмой.
И мы рвали цвѣты, и топтали, и не въ силахъ мы были вздохнуть,
И оставили голыя скалы, и направили дальше свой путь.

6

Мы приплыли на Островъ Плодовъ, и плоды золотились, горя,
Безконечные сочные гроздья отливались огнемъ янтаря,
Точно солнце, желтѣлася дыня на разсыпчатомъ красномъ пескѣ,
И съ отлогаго берега смоква поднималась, блестя вдалекѣ,
И гора, какъ престолъ, возносилась, и роняла оттѣнки въ заливъ,
Отъ мерцанія грушъ золотистыхъ, отъ сверканія рдѣющихъ сливъ,
И лоза вкругъ лозы извивалась, вызрѣвающихъ ягодъ полна,
Но въ плодахъ ароматныхъ скрывалась ядовитая радость вина.
И вершина утеса, изъ яблокъ, величайшихъ изъ всѣхъ на землѣ,
Разросталась безъ листьевъ зеленыхъ, и тонула въ сверкающей мглѣ,
И краснѣлась нѣжнѣй, чѣмъ здоровье, и румянилась ярче стыда,
И Заря багрянецъ лучезарный не могла превзойти никогда.
Мы три дня упивались плодами, и безумье нахлынуло сномъ,
И друзья за мечи ухватились, и рубились въ безумьи слѣпомъ,
Но плоды я вкушалъ осторожно, и, чтобъ разумъ ослѣпшимъ вернуть,
Я сказалъ имъ о мести забытой, — мы направили дальше свой путь.

7

Мы приплыли на Островъ Огня, онъ манилъ насъ,
блистая въ водѣ,
Онъ вздымался на цѣлую милю, устремляясь къ
Полярной звѣздѣ.
И едва на ногахъ мы стояли, созерцая огонь
голубой,
Потому что весь островъ качался, какъ объятый
предсмертной борьбой,
И безумны мы были отъ яда золотыхъ ядови-
тыхъ плодовъ,
И, боясь, что мы бросимся въ пламя, натянули
мы сѣть парусовъ,
И уплыли скорѣе подальше, и сокрылась отъ
взоровъ земля,
Мы увидѣли островъ подводный, подъ водою —
свѣтлѣй хрусталя,
И глядѣли мы внизъ, и дивились, что̀ за Рай тамъ
блаженный блисталъ,
Тамъ стояли старинныя башни, тамъ вздымался
безмолвный порталъ
Безмятежныхъ дворцовъ, — какъ видѣнья, какъ
поля невозбраннаго сна.
И для сердца была такъ призывна голубая, какъ
твердь, глубина,
Что изъ лучшихъ воителей трое поспѣшили
скорѣй утонуть, —
Глубь задернулась быстрою зыбью, мы напра-
вили дальше свой путь.

8

Мы прибыли на Островъ Щедротъ, небеса были
низки надъ нимъ,

И съ разсвѣтомъ лучистыя длани облака раздвигали, какъ дымъ,
И для каждаго падала пища, чтобъ онъ могъ не работать весь день,
До того, какъ на Западѣ встанетъ золотая вечерняя тѣнь.
Еще не былъ нашъ духъ безпокойный такъ плѣнительно-ласковъ и тихъ,
И мы пѣли о Финнѣ могучемъ, и о древности предковъ своихъ.
Мы сидѣли, покоясь и нѣжась, у истока пѣвучихъ ключей,
И мы пѣли звучнѣе, чѣмъ барды, о судьбѣ легендарныхъ царей.
Но потомъ утомились мы нѣгой, и вздыхали, и стали роптать,
И мы прокляли Островъ Блаженный, гдѣ могли безъ помѣхи мечтать,
И мы прокляли Островъ Зеленый, потому что онъ нашъ былъ вездѣ,
Потому что врага не могли мы — не могли отыскать мы нигдѣ.
И мы въ шутку швыряли каменья, мы какъ-будто играли въ шары,
Мы играть захотѣли въ сраженье, захотѣли опасной игры,
Потому что кипучія страсти намъ томили мятежную грудь,
И, насытившись дикой рѣзнею, мы направили дальше свой путь.

9

Мы приплыли на Островъ Колдуній, и пѣвучій услышали зовъ —

«О, придите, придите, придите!» прозвучало надъ
выбью валовъ,
И огнистыя тѣни дрожали, отъ небесъ упадая
къ землѣ,
И нагая, какъ небо, колдунья возставала на
каждой скалѣ,
И толпы ихъ бѣлѣли на взморьѣ, словно чайки
надъ пѣной валовъ,
И толпы ихъ рѣзвились, плясали на обломкахъ
погибшихъ судовъ,
И толпы ихъ бросалися въ волны освѣжить
бѣлоснѣжную грудь,
Но я зналъ, въ чемъ опасность, и дальше по-
скорѣй мы направили путь.

10

И въ недоброе время достигли мы до Острова
Башенъ Двойныхъ,
Изъ камней полированныхъ башня, и предъ ней
изъ цвѣтовъ вырѣзныхъ,
Возносилися обѣ высоко, но дрожали пещеры
внизу,
Ударялися башни, звенѣли, и гремѣли, какъ
небо въ грозу,
И гудѣли призывнымъ набатомъ, точно яро-
стный возгласъ громовъ,
И раскаты проникли до сердца разгорѣвшихся
гнѣвомъ бойцовъ,
И за башню камней разноцвѣтныхъ, и за башню
цвѣтовъ вырѣзныхъ
Межъ бойцами рѣзня разразилась, — и на
Островѣ Башенъ Двойныхъ
Вплоть до вечера буря Господня лишь смолкала
затѣмъ, чтобъ сверкнуть,

И оставивши много убитыхъ, мы направили
дальше свой путь.

11

Мы приплыли на Островъ Святого, что когда-то
съ Брэнданомъ уплылъ,
Онъ на островѣ жилъ неотлучно, и ужь старцемъ-
святителемъ былъ.
Еле слышенъ былъ голосъ святого, словно го-
лосъ далекихъ міровъ,
И къ ногамъ борода упадала бѣлизною нагор-
ныхъ снѣговъ.
Онъ сказалъ мнѣ: «Ты злое задумалъ. О, Маль-
дунъ, ты живешь какъ во снѣ,
Ты забылъ, чтò сказалъ намъ Всевышній, —
Онъ сказалъ намъ: «Отмщеніе — Мнѣ».
Умерщвленъ былъ твой прадѣдъ, отмщенъ былъ,
и за кровь пролита была кровь,
И убійство смѣнялось убійствомъ, и убійство
свершалося вновь.
О, доколѣ все это продлится? Нѣтъ конца помы-
шленіямъ злымъ.
Возвращайся же къ острову Финна, пусть Былое
пребудетъ Былымъ».
И края бороды бѣлоснѣжной мы лобзали,
вздохнувъ отъ борьбы,
Мы молились, услыша, какъ старецъ возсылалъ
предъ Всевышнимъ мольбы,
И смирилъ насъ преклонный Святитель, и главу
опустилъ онъ на грудь,
Мы печально корабль снарядили, и направили
дальше свой путь.

12

И мы вновь увидали тотъ Островъ, и убійца на взморьѣ стоялъ,
Но мы мимо проплыли безмолвно, хоть на островъ насъ валъ увлекалъ.
О, усталъ я, усталъ отъ скитаній, отъ волненій, борьбы, и грѣховъ,
И приблизился къ Острову Финна только съ горстью угрюмыхъ бойцовъ.

Вкушающіе лотосъ

«Смѣлѣй!» воскликнулъ онъ. «Вонъ тамъ, въ туманной дали,
«Причалимъ мы къ землѣ». Чуть пѣнилась вода.
И въ сумерки они къ чужой странѣ пристали,
Гдѣ сумеречный часъ какъ будто былъ всегда.
Въ тревожно-чуткихъ снахъ дышала гладь морская,
Вздымался кругъ луны надъ сумракомъ долинъ.
И точно блѣдный дымъ, потокъ, съ высотъ сбѣгая,
Какъ-будто замедлялъ свой путь, изнемогая,
И падалъ по скаламъ, и медлилъ межъ тѣснинъ.

О, тихій край ручьевъ! Какъ блѣдный дымъ, иные
Скользили медленно по зелени луговъ,
Иные падали сквозь тѣни кружевныя,
Роняя дремлющій и пѣнистый покровъ.
Огнистая рѣка струила волны въ море
Изъ глубины страны; а между облаковъ,
Три мертвыя горы, въ серебряномъ уборѣ,
Хранили слѣдъ зари, и сосны на просторѣ
Видѣньями росли, среди нѣмыхъ снѣговъ.

На Западѣ Закатъ, навѣкъ завороженный,
Горя, не погасалъ; и сквозь провалы горъ

Виднѣлась глубь страны, песками окаймленной,
Лѣса изъ пышныхъ пальмъ сплеталися въ узоръ,
Долины и луга, въ сверканьи блѣдной влаги,
Страна, гдѣ перемѣнъ какъ-будто нѣтъ и нѣтъ.
И, блѣднолицые, какъ тѣни древней саги,
Толпой у корабля сошлися Лотофаги,
Въ ихъ взорахъ трепеталъ вечерній скорбный свѣтъ.

Душистые плоды волшебнаго растенья
Они давали всѣмъ, какъ призраки глядя,
И каждый, кто вкушалъ, внималъ во мглѣ забвенья,
Какъ ропотъ волнъ стихалъ, далеко уходя;
Сердца, въ сознаньи всѣхъ, какъ струны трепетали,
И, если кто изъ насъ другъ съ другомъ говорилъ,
Невнятныя слова для слуха пропадали,
Какъ-будто чуть звеня во мглѣ безбрежной дали,
Какъ-будто приходя изъ сумрака могилъ.

И каждый, хоть не спалъ, но былъ въ дремотѣ странной,
Межъ солнцемъ и луной, на взморьѣ, у зыбей,
И каждый видѣлъ сонъ о Родинѣ туманной,
О дѣтяхъ, о женѣ, любви, — но все скучнѣй
Казался видъ весла, все большей тьмой объята
Казалась пѣна волнъ, впивающая свѣтъ,
И вотъ одинъ сказалъ: «Намъ больше нѣтъ возврата!»
И вдругъ запѣли всѣ: «Скитались мы когда-то.
Нашъ край родной далекъ! Для насъ возврата нѣтъ!»

1

Есть музыка, чей вздохъ нѣжнѣе упадаетъ,
Чѣмъ лепестки отцвѣтшихъ розъ,
Нѣжнѣе, чѣмъ роса, когда она блистаетъ,
Роняя слезы на утесъ;
Нѣжнѣй, чѣмъ падаетъ на землю свѣтъ зарницы,
Когда за моремъ спитъ гроза,
Нѣжнѣй, чѣмъ падаютъ усталыя рѣсницы
На утомленные глаза;
Есть музыка, чей вздохъ какъ сладкая дремота,
Что́ сходитъ съ неба въ тихій часъ,
Есть мшистая постель, гдѣ крѣпко спитъ забота
И гдѣ никто не будитъ насъ;
Тамъ дышетъ гладь рѣки въ согрѣтомъ полумракѣ,
Цвѣты баюкаетъ волна,
И съ выступовъ глядя, къ землѣ склонились маки,
Въ объятьяхъ нѣжащаго сна.

2

Зачѣмъ душа болитъ, чужда отдохновенья,
Неразлучимая съ тоской,
Межъ тѣмъ какъ для всего нисходитъ мигъ забвенья,
Всему даруется покой?
Зачѣмъ одни лишь мы въ пучинѣ горя тонемъ,
Одни лишь мы, вѣнецъ всего,
Изъ тьмы идя во тьму, зачѣмъ такъ скорбно стонемъ,
Въ терзаньи сердца своего?
И вѣчно и всегда трепещутъ наши крылья,
И нѣтъ скитаніямъ конца,
И духъ цѣлебныхъ сновъ не сгонитъ тѣнь усилья

Съ печально-блѣднаго лица?
И чужды намъ слова чуть слышнаго завѣта: —
«Въ одномъ покоѣ торжество».
Зачѣмъ же только мы томимся безъ привѣта,
Одни лишь мы, вѣнецъ всего?

3

Вонъ тамъ, въ глуши лѣсной, на вѣтку вѣтеръ
дышетъ,
Изъ почки вышелъ нѣжный листъ,
И вѣтеръ, проносясь, едва его колышетъ,
И онъ прозраченъ и душистъ.
Подъ солнцемъ онъ горитъ игрою позолоты,
Росой мерцаетъ подъ луной,
Желтѣетъ, падаетъ, не вѣдая заботы,
И спитъ, объятый тишиной.
Вонъ тамъ, согрѣтъ огнемъ любви, тепла и
свѣта,
Ростетъ медовый сочный плодъ,
Созрѣетъ, и съ концомъ зиждительнаго лѣта
На землю мирно упадетъ.
Всему есть мѣра дней; взлелѣянный весною,
Цвѣтокъ не вѣдаетъ труда,
Онъ вянетъ, онъ цвѣтетъ, съ землей своей родною
Не разлучаясь никогда.

4

Враждебенъ небосводъ, холодный, темносиній,
Надъ темносинею волной,
И смерть предѣлъ всего, и мы идемъ пустыней,
Живя тревогою земной.
Что можетъ длиться здѣсь? Едва пройдетъ
мгновенье,

Умолкнутъ блѣдныя уста.
Оставьте насъ однихъ въ тиши отдохновенья,
Земля для насъ навѣкъ пуста.
Мы лишены всего. — Намъ ничего не надо.
Все тонетъ въ сумрачномъ Быломъ.
Оставьте насъ однихъ. Какая намъ отрада —
Вести борьбу съ упорнымъ зломъ?
Что нужды восходить, въ стремленьи безконечномъ,
По восходящей въ высь волнѣ?
Все дышетъ, чтобъ имѣть удѣлъ въ покоѣ вѣчномъ,
Все умираетъ въ тишинѣ.
Все падаетъ, мелькнувъ, какъ тѣнь мечты безсильной,
Какъ чуть плеснувшая волна.
О, дайте намъ покой, хоть черный, хоть могильный,
О, дайте смерти или сна.

5

Глаза полузакрывъ, какъ сладко слушать шопотъ
Едва звенящаго ручья,
И въ вѣчномъ полуснѣ внимать невнятный ропотъ
Изжитой сказки бытія.
И грезить, и дремать, и грезить въ нѣгѣ сонной,
Какъ тотъ янтарный мягкій свѣтъ,
Что медлитъ въ высотѣ надъ миррой благовонной
Какъ-будто много-много лѣтъ.
Отдавшись ласковой и сладостной печали,
Вкушая Лотосъ день за днемъ,

Слѣдить, какъ ластится волна въ лазурной дали,
Курчавясь пѣной и огнемъ.
И видѣть въ памяти утраченныя лица,
Какъ сонъ, какъ образъ неживой,
Навѣкъ поблекшія, какъ стертая гробница,
Полузаросшая травой.

6

Намъ память дорога о нашей брачной жизни,
О нѣжной ласкѣ нашихъ женъ;
Но все мѣняется, и нашъ очагъ въ отчизнѣ
Холоднымъ прахомъ занесенъ.
Тамъ есть наслѣдники; и наши взоры странны;
Мы потревожили бы всѣхъ,
Какъ привидѣнія, мы не были бъ желанны
Среди пировъ, гдѣ дышетъ смѣхъ.
Быть можетъ, мы едва живемъ въ мечтѣ народа,
И вся Троянская война,
Всѣ громкія дѣла теперь лишь гимнъ рапсода,
Временъ ушедшихъ старина.
Тамъ смута, можетъ быть; но, если безразсудно
Забылъ народъ завѣтъ вѣковъ,
Пусть будетъ то, что есть: Умилостивить трудно
Всегда взыскательныхъ боговъ.
Другая смута есть, что хуже смерти черной, —
Тоска предъ новою борьбой;
До старости сѣдой — борьбу и трудъ упорный
Вездѣ встрѣчать передъ собой, —
Мученіе для тѣхъ, въ чьихъ помыслахъ туманно,
Кто видѣлъ вѣчную бѣду,
Чей взоръ полуослѣпъ, взирая неустанно
На путеводную звѣзду.

7

Но здѣсь, гдѣ амарантъ и моли пышнымъ цвѣ-
томъ
Вездѣ раскинулись кругомъ,
Гдѣ дышутъ небеса лазурью и привѣтомъ
И вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ,
Гдѣ искристый потокъ напѣвомъ колыбельнымъ
Звенитъ, съ пурпурныхъ горъ скользя,
Какъ сладко здѣсь вкушать въ покоѣ безпре-
дѣльномъ
Восторгъ, что выразить нельзя.
Какъ нѣжны голоса, зовущіе оттуда,
Гдѣ шлетъ скала привѣтъ скалѣ,
Какъ нѣженъ цвѣтъ воды съ окраской изумруда,
Какъ мягко льнетъ акантъ къ землѣ,
Какъ сладко здѣсь дремать, покоясь подъ
сосною,
И видѣть, какъ просторъ морей
Уходитъ безъ конца широкой пеленою,
Играя свѣтомъ янтарей.

8

Здѣсь Лотосъ чуть дрожитъ при каждомъ пово-
ротѣ,
Здѣсь Лотосъ блещетъ межь камней,
И вѣтеръ цѣлый день, въ плѣнительной дремотѣ,
Поетъ нѣжнѣй и все нѣжнѣй.
И впадины пещеръ, и сонныя долины
Покрыты пылью золотой.
О, долго плыли мы, и волны-исполины
Грозили каждый мигъ бѣдой, —
Мы вѣдали труды, опасности, измѣну,
Когда средь стонущихъ громадъ

Чудовища морей выбрасывали пѣну,
Какъ многошумнй водопадъ.
Клянемтесь же, друзья, изгнавъ изъ душъ
тревоги,
Пребыть въ прозрачной полумглѣ,
Покоясь на холмахъ, безстрастные, какъ боги,
Безъ темной думы о землѣ.
Тамъ гдѣ-то далеко подъ ними свищутъ стрѣлы,
Предъ ними нектаръ золотой,
Вкругъ нихъ вездѣ горятъ лучистые предѣлы,
И тучки рдѣютъ чередой.
Съ высотъ они глядятъ и видятъ возмущенье,
Толпу въ мучительной борьбѣ,
Пожары городовъ, чуму, землетрясенье,
И руки, сжатыя въ мольбѣ.
Но въ пѣснѣ горестной имъ слышенъ строй
напѣва
Иной, что горести лишенъ,
Какъ сказка, полная рыданія и гнѣва,
Но только сказка, только сонъ.
Людьми воспѣтые, они съ высотъ взираютъ,
Какъ люди бьются на землѣ,
Какъ жатву скудную съ полей они сбираютъ
И послѣ тонутъ въ смертной мглѣ.
Иные, говорятъ, для горечи безсмѣнной
Нисходятъ въ грозный черный адъ,
Иные держатъ путь въ Элизіумъ блаженный
И тамъ на златоокахъ спятъ.
О, лучше, лучше спать, чѣмъ плыть во тьмѣ
безбрежной,
И снова плыть для новыхъ бѣдъ.
Покойтесь же, друзья, въ отрадѣ безмятежной,
Предъ нами странствій больше нѣтъ.

Волшебница Шалотъ

Часть 1-ая

По обѣ стороны рѣки
Во ржи синѣютъ васильки,
Поля безбрежно-далеки,
    Ведутъ въ зубчатый Камелотъ.
Мелькаетъ тѣнь и тамъ, и тутъ,
И вдаль прохожіе идутъ,
Глядя, какъ лиліи цвѣтутъ
    Вкругъ острова Шалотъ.

Осина тонкая дрожитъ,
И вѣтеръ волны сторожитъ,
Рѣка отъ острова бѣжитъ,
    Идя по склону въ Камелотъ.
Четыре сѣрыя стѣны,
И башни, память старины,
Вздымаясь, видятъ съ вышины
    Волшебницу Шалотъ.

Сѣдѣютъ ивы надъ водой,
Проходятъ баржи чередой,
Челнокъ, тропою золотой,
    Скользя, промчится въ Камелотъ.
Но съ кѣмъ бесѣдуетъ она?
Быть можетъ, грезитъ у окна?
Быть можетъ, знаетъ вся страна
    Волшебницу Шалотъ?

Одни жнецы, съ разсвѣтомъ дня,
На полѣ желтомъ ячменя,
Внимаютъ пѣснѣ, что, звеня,
Съ рѣкой уходитъ въ Камелотъ;
И жнецъ усталый, при лунѣ,
Снопы вздымая къ вышинѣ,
Тихонько шепчетъ, какъ во снѣ: —
«Волшебница Шалотъ!»

Часть 2-ая

Предъ нею ткань горитъ, сквозя,
Она прядетъ, рукой скользя,
Остановиться ей нельзя,
Чтобъ глянуть внизъ на Камелотъ.
Проклятье ждетъ ее тогда,
Грозитъ безвѣстная бѣда,
И вотъ она прядетъ всегда,
Волшебница Шалотъ.

Лишь видитъ въ зеркало она
Видѣнья міра, тѣни сна,
Всегда живая пелена
Уходитъ быстро въ Камелотъ.
Свѣтло-вспѣненная рѣка,
И темный образъ мужика,
И цвѣтъ мелькнувшаго платка
Проходятъ предъ Шалотъ.

И каждый мигъ живетъ тропа,
Смѣется дѣвушекъ толпа,
И осликъ сельскаго попа
Бредетъ въ зубчатый Камелотъ.

Порой, въ зеркальной глубинѣ,
Проскачетъ рыцарь на конѣ,
Ее не видитъ онъ во снѣ,
Волшебницу Шалотъ.

Но все ростетъ узоръ нѣмой,
И часто, въ тихій часъ ночной,
За колесницей гробовой
Толпа тянулась въ Камелотъ.
Когда же, лунныхъ сновъ полна,
Чета влюбленныхъ шла, нѣжна,
«О, я отъ призраковъ — больна!»
Печалилась Шалотъ.

Часть 3-ая

На выстрѣлъ лука, въ сторонѣ,
Зардѣлись латы, какъ въ огнѣ,
Скакалъ въ доспѣхахъ, на конѣ,
Безстрашный рыцарь Ланчелотъ.
Служилъ онъ дамѣ-красотѣ,
Чье имя было на щитѣ,
Горѣвшемъ пышно, какъ въ мечтѣ,
Вдали-вблизи Шалотъ.

Свободно бились повода,
Алмазъ горѣлъ въ нихъ, какъ звѣзда,
Играла звонкая узда,
Пока онъ ѣхалъ въ Камелотъ.
Блистала свѣтлая броня,
Могучій рогъ висѣлъ, звеня,
И бился по бокамъ коня,
Вдали-вблизи Шалотъ.

Сѣдло въ огняхъ изъ серебра,
Герба лучистая игра,
И шлемъ, и яркій цвѣтъ пера,
Весь блескъ уходитъ въ Камелотъ.
Такъ бородатый метеоръ
Во тьмѣ ночей плететъ узоръ,
Какъ въ этотъ мигъ сверкалъ просторъ
Предъ стихнувшей Шалотъ.

Какъ пышенъ былъ потокъ лучей.
Копыта били все звончѣй,
Свѣтились кудри горячѣй,
Пока онъ ѣхалъ въ Камелотъ.
Внимала пѣснѣ гладь рѣки,
Осинъ и блѣдныхъ ивъ листки,
Внимали пѣснѣ васильки,
Пѣлъ рыцарь Ланчелотъ.

Забытъ станокъ, забытъ узоръ,
Въ окно увидѣлъ жадный взоръ
Купавы, шлемъ, коня, просторъ,
Вдали зубчатый Камелотъ.
Порвалась ткань съ игрой огня,
Разбилось зеркало, звеня,
«Бѣда! Проклятье ждетъ меня!»
Воскликнула Шалотъ.

Часть 4-ая

Блѣднѣли желтые лѣса,
Въ рѣкѣ рыдали голоса,
Закрыла буря небеса,
Летя съ востока въ Камелотъ.
Она сошла, какъ въ забытьи,
И начертала у струи

На свѣтломъ выступѣ ладьи: —
    Волшебница Шалотъ.

Шумя, туманилась волна,
И, какъ провидецъ, въ блескѣ сна,
Взирала пристально она,
    Глядя на дальній Камелотъ.
И день померкнулъ вдалекѣ,
Она лежала въ челнокѣ,
И волны мчали по рѣкѣ
    Волшебницу Шалотъ.

Мерцало платье бѣлизной,
Какъ хлопья снѣга подъ луной,
Она плыла во тьмѣ ночной,
    И уплывала въ Камелотъ.
И пѣсню слышала волна,
И пѣсня та была грустна,
Въ послѣдній пѣла разъ она,
    Волшебница Шалотъ.

И смолкъ напѣвъ ея скорбей,
И вотъ ужь кровь остыла въ ней,
И вотъ затмился взоръ очей,
    Глядя на сонный Камелотъ.
И прежде чѣмъ ладья, свѣтла,
До дома перваго дошла,
Со звукомъ пѣсни умерла
    Волшебница Шалотъ.

Въ виду альтановъ и садовъ,
И древнихъ башенъ и домовъ,
Она, какъ тѣнь, у береговъ,
    Плыла безмолвно въ Камелотъ.

И вотъ кругомъ, вблизи, вдали,
Толпами граждане пришли,
И на ладьѣ они прочли —
    Волшебница Шалотъ.

Въ дворцѣ веселый смѣхъ погасъ,
«О, Господи, помилуй насъ!»
Молились всѣ, грѣха страшась,
    И только рыцарь Ланчелотъ,
Подумавъ, молвилъ, не спѣша: —
«Лицомъ какъ ангелъ хороша,
«Да успокоится душа
    «Волшебницы Шалотъ!»

Границы человѣчества

Когда престарѣлый
Святой нашъ Отецъ
Рукою небрежной
Изъ тучи грохочущей
Сѣетъ на землю
Палящія молніи,
Къ послѣднему краю
Одеждъ улетающихъ
Я льну, ихъ лобзаю,
Съ младенческимъ трепетомъ
Въ вѣрной груди.

Ибо съ богами
Не долженъ равняться
Никто изъ людей.
Когда жь дерзновенный
До неба воспрянетъ,
Головою коснется
Отдаленнѣйшихъ звѣздъ,
Не найдетъ онъ опоры
Для невѣрной стопы,
И начнетъ колебаться,
И тучи съ вѣтрами
Имъ будутъ играть.

Если жь стоитъ онъ
Стопою упорной,

Какъ на прочной твердынѣ,
На могучей землѣ,
Въ стремленіи къ небу
Онъ только сравнится
Съ виноградной лозою
Или съ дубомъ нѣмымъ.

Что отличаетъ
Людей отъ боговъ?
Предъ богами проходятъ
Многократныя волны,
Безконечный потокъ: —
Насъ волна поднимаетъ,
Насъ волна поглощаетъ,
И мы тонемъ въ волнѣ.

Узкою цѣпью
Вкругъ нашей жизни
Вьется кольцо.
Поколѣнья приходятъ,
Поколѣнья уходятъ,
Постепенно сплетаясь
Безконечною цѣпью
По кольцу Бытія.

Прометей

Отрывокъ

Закрой, Зевесъ, парами облаковъ
Твое разгнѣванное небо,
И забавляйся, какъ мальчишка,
Сбивающій головки у волчцовъ,
Громи дубы и горныя вершины,
Моя земля
Останется за мною,
И хижина, что создалъ я, не ты,
И мой очагъ,
Чей жгучій пламень
Въ тебѣ тревожитъ зависть.

Не знаю я подъ солнцемъ ничего
Ничтожнѣй васъ, боговъ!
Дыханіемъ молитвъ
И данью жертвъ
Свое величіе питаете вы скудно,
И умерли бы вы,
Когда бы нищіе и дѣти
Въ себѣ не тѣшили безсмысленныхъ надеждъ.

Когда я былъ ребенкомъ,
Когда кругомъ не видѣлъ ясно ничего,
Тогда въ безсиліи блуждающіе взоры
Я къ солнцу устремлялъ,

Какъ-будто тамъ вверху
Былъ чей-то слухъ, чтобъ внять моимъ мольбамъ,
И чье-то сердце, какъ мое,
Дышало жалостью, тоскуя съ огорченнымъ.

Кто мнѣ помогъ
Въ борьбѣ съ надменностью титановъ?
Кто спасъ меня отъ смерти,
Спасъ отъ рабства?
Не ты-ли все само свершило,
Священнымъ пламенемъ пылающее сердце?
И благодарностью напрасной
Не ты-ли, юное, горѣло
Тому, кто дремлетъ въ небесахъ?

Мнѣ чтить тебя? За что?
Усладилъ-ли ты скорби
Утомленнаго?
Осушилъ-ли ты слезы
Огорченнаго?

И развѣ меня
Не создало мужемъ
Всесильное время
И Судьба довременная,
Мои и твои повелители?

Не мнилъ ли ты, что я
Возненавижу жизнь,
Бѣгу въ пустыни,
Увидя, что не всѣ исполнились надежды,
Не всѣ мечты цвѣтами расцвѣли?

Я здѣсь сижу,
Творю людей,
Подобныхъ мнѣ,
Я здѣсь творю иное поколѣнье,
Что будетъ плакать, и томиться,
И ликовать, и бурно наслаждаться,
И презирать тебя,
Какъ я!

* * *

Утромъ, вставъ, я вопрошаю: —
Встрѣчу ль ту, что мнѣ мила?
Грустнымъ вечеромъ вздыхаю: —
И сегодня не пришла.

Ночью долго, истомленный,
Я тоскую и не сплю,
Днемъ влюбленный, полусонный,
Все мечтаю, все люблю.

* * *

Въ волшебно-свѣтлый мѣсяцъ май
Всѣ почки распускались,
И въ нѣжномъ сердцѣ у меня
Мечты любви рождались.

Въ волшебно-свѣтлый мѣсяцъ май,
Когда всѣ птицы пѣли,
Я ей сказалъ, что я ее
Люблю на самомъ дѣлѣ.

* * *

Изъ моихъ скорбей великихъ
Пѣсни малыя сотку я,
Вотъ они на звонкихъ крыльяхъ
Въ сердце къ ней летятъ, ликуя.

Полетѣли, прилетѣли,
Возвратились, и скорбятъ,
Были въ сердцѣ, — что̀ тамъ въ сердцѣ,
Разсказать мнѣ не хотятъ.

* * *

Твои бѣлые лиліи-пальцы
Я хотѣлъ бы опять цѣловать,
И къ груди моей нѣжно прижать ихъ,
И тихонько, беззвучно рыдать.

Твои ясные глазки-фіалки
Предо мною и ночью и днемъ,
И томлюсь я: Какая загадка
Въ этомъ ласковомъ снѣ голубомъ?

* * *

Когда разлучаются двое,
Жмутъ руки, съ печалью лица,
И плакать они начинаютъ,
Вздыхаютъ они безъ конца.

Не плакали мы, не вздыхали,
Когда разставаться пришлось,
Но послѣ, о, послѣ, какъ много
Узнали мы вздоховъ и слезъ.

* * *

На дальнемъ горизонтѣ,
Какъ дымно-свѣтлый ликъ,
Въ зарѣ вечерней, городъ
Межь башнями возникъ.

Курчавитъ вѣтеръ влажный
Сѣдой воды стекло,
Съ размѣрностью печальной,
Впередъ, гребетъ весло.

Еще горитъ мнѣ солнце,
И лучъ послѣдній алъ,
То мѣсто отмѣчая,
Гдѣ все я потерялъ.

* * *

Мы всѣ у рыбачьяго дома
Усѣлися шумной толпой.
Къ вечернему ясному небу
Туманъ поднимался морской.

Высокій маякъ засвѣтился,
Должно быть, огни тамъ зажгли.
Какъ призракъ туманный, предъ нами
Корабль показался вдали.

А мы говорили о бурѣ,
О томъ, какъ матросы живутъ,
То въ страхѣ, то съ пѣсней находятъ,
Межъ небомъ и моремъ пріютъ.

Какіе есть люди и нравы,
Какъ міръ безконечно широкъ,
Какъ полны загадокъ волшебныхъ
И Сѣверъ и дальній Востокъ.

У свѣтлаго, звонкаго Ганга
Деревья-гиганты цвѣтутъ,
Прекрасные, кроткіе люди
Предъ лотосомъ гимны поютъ.

Въ Лапландіи грязные люди
На корточкахъ важно сидятъ,

Варятъ себѣ рыбу, въ лачугахъ,
Варятъ, и кричатъ, и визжатъ.

Но вотъ наступило молчанье,
И каждый невольно вздохнулъ.
И дальній корабль одинокій
Въ туманѣ морскомъ потонулъ.

Король Гаральдъ Прекраснокудрый

Король Гаральдъ Прекраснокудрый
Сидитъ во мглѣ морскихъ глубинъ,
Съ нимъ фея водъ, она прекрасна;
И годъ идетъ за мглой годинъ.

Зафеенъ Никсой, зачарованъ,
Онъ не умретъ и не живетъ;
Ужъ цѣлыхъ двѣсти лѣтъ такъ длится,
То колдовство въ глубинахъ водъ.

Онъ голову склонилъ на лоно
Жены, чей нѣженъ блескъ лица,
Никакъ не можетъ наглядѣться,
Глядитъ на фею безъ конца.

Златыя кудри серебрятся,
И видны кости блѣдныхъ щекъ,
Онъ привидѣнье съ чахлымъ дикомъ,
Завядшій сломанный цвѣтокъ.

Нерѣдко изъ любовной грезы
Онъ вдругъ насильно пробужденъ,
Вѣдь тамъ вверху кипитъ теченье,
Хрустальный замокъ возмущенъ.

Нерѣдко слышитъ онъ — какъ будто
Норманны кличутъ, пѣ нь слышна;

Онъ руку весело подыметъ,
Печально падаетъ она.

Нерѣдко даже хоръ матросовъ
Какъ-будто ясно слышитъ онъ,
Король Гаральдъ Прекраснокудрый
Въ геройской пѣснѣ вознесенъ.

Король рыдаетъ, плачетъ, стонетъ,
Всей мощью сердца, сжатой сномъ.
И фея водъ его проворно
Смѣющимся цѣлуетъ ртомъ.

* * *

На перекресткѣ зарываютъ
Самоубійцъ, — гдѣ крестъ дорогъ.
Цвѣтъ осужденныхъ тамъ восходитъ,
Дрожащій синенькій цвѣтокъ.

На перекресткѣ, тамъ стоялъ я,
Холодный мѣсяцъ чуть блисталъ,
Подъ нимъ, во мракѣ, тихо, тихо,
Цвѣтъ осужденныхъ трепеталъ.

* *
*

Смерть это свѣтлая ночь,
Жизнь есть удушливый день.
Смерклось, мнѣ спится, усталъ я,
Ласкова тѣнь.

Вѣтви ростутъ надо мной,
Пѣснь соловья въ вышинѣ.
Все про любовь онъ поетъ мнѣ, я слышу,
Даже во снѣ.

* * *

Что хочетъ слеза одинокая?
Она туманитъ мнѣ взглядъ.
Осталась изъ стараго времени,
Зоветъ въ невозвратность, назадъ.

Сестеръ у ней было блистающихъ
Такъ много, — погасли лучи,
Растаяли съ болью и съ радостью,
Развѣялись въ вѣтрѣ, въ ночи.

Туманомъ и синія звѣздочки
Разрѣшили сіянье свое,
Что нѣжной улыбкой забросили
Боль и радости въ сердце мое.

Да что жь, и любовь вся растаяла,
Какъ призрачность праздной мечты.
Слеза одинокая, прежняя,
Развѣйся, растай ужь и ты.

* * *

Звѣзда сорвалась, упадаетъ,
Съ лучистой своей высоты.
Звѣзда любви упадаетъ,
Упала среди темноты.

Цвѣты съ апельсинныхъ деревьевъ
Спадаютъ, измѣнчивый рой.
Приходятъ дразнящіе вѣтры,
И тѣшатся вольной игрой.

Лебедь поетъ надъ волнами,
И плаваетъ взадъ и впередъ,
Поетъ онъ все тише и тише,
И тонетъ въ могильности водъ.

Все тихо, такъ тихо и смутно.
Нѣтъ листьевъ съ цвѣтами, мертво,
Нѣтъ звѣзднаго лика, распался,
Нѣтъ лебедя съ пѣсней его.

*
* *

Солнечный закатъ;
Черны облака,
Вѣтры прочь летятъ,
Душно, и тоска.

Молній огневыхъ
Борозды бѣгутъ;
Быстрый образъ ихъ
Озаряетъ прудъ.

Мнится, ты — со мной,
Въ четкости зарницъ,
Волосы — волной,
Взоры — взмахи птицъ.

* * *

На пруду, гдѣ тишь нѣмая,
Медлитъ мѣсяцъ мглой лучей,
Розы блѣдныя вплетая
Въ зелень стройныхъ камышей.

На холмѣ блуждаютъ лани,
Въ ночь глядитъ ихъ чуткій взглядъ;
Крылья вдругъ всплеснутъ въ туманѣ,
Шевельнутся, замолчатъ.

Взоръ склонилъ я, въ немъ страданье,
Всей душевной глубиной —
О тебѣ мое мечтанье,
Какъ молитва въ часъ ночной.

Зимняя ночь

Тамъ, на глухомъ лѣсномъ краю,
Волкъ воетъ; — мать ребенокъ молитъ,
И въ ночь кричитъ онъ, да позволитъ
Ему найти ѣду свою.

Ѣду кровавую. Несутся
Мятели, бѣшено свистятъ,
Согрѣться пляскою хотятъ: —
Всѣ вопли, сердце, пусть проснутся.

Твои да встанутъ мертвецы,
Печали темными ордами.
И съ челядью, рожденной льдами,
Да побѣгутъ во всѣ концы.

Къ печали

Въ жизни ты вездѣ со мною,
О, печаль, мечта-бѣда,
Я во миракѣ, я съ звѣздою,
Ты со мной, равно, всегда.

Ты меня уводишь въ горы,
Гдѣ орелъ — сторожевой,
Гдѣ еловые узоры,
Гдѣ гремучъ потокъ лѣсной.

Тамъ, что умерло — живое,
Я взрыдаю какъ въ бреду,
И лицо свое ночное
Я на грудь твою кладу.

Тихая достовѣрность

Чу, какъ тихо въ темной рощѣ, ты и я,
Мы одни съ тобой, о, милая моя.

Прозвучалъ вдали, надъ зеленью луговъ,
Колокольный, чуть дрожащій, тихій зовъ.

На цвѣткахъ, что преклонились предъ тобой,
Вѣтерокъ уснулъ, послѣдній вздохъ ночной.

Я скажу тебѣ — вѣдь я одинъ съ тобой —
Всей душой моей я твой, навѣки твой.

Прощальный взглядъ

Словно безбрежнаго счастія море,
Взглядъ твой глубокій и полный участья
Свѣтитъ мнѣ ярко. На трудъ и на горе
Я уѣзжаю. И все мое счастье —
Передъ разлукой, забывши ненастье,
Взоромъ обнять это свѣтлое море.

Балконъ

Мать воспоминаній, нѣжная изъ нѣжныхъ,
Всѣ мои восторги! весь призывъ мечты!
Ты воспомнишь чары ласкъ и сновъ безбрежныхъ,
Прелесть вечеровъ и кроткой темноты.
Мать воспоминаній, нѣжная изъ нѣжныхъ.

Вечера при свѣтѣ угля золотого,
Вечеръ на балконѣ, розоватый дымъ.
Нѣжность этой груди! существа родного!
Незабвенность словъ, чей смыслъ неистребимъ,
Въ вечера при свѣтѣ угля золотого.

Какъ красиво солнце вечеромъ согрѣтымъ.
Какъ глубоко небо! въ сердцѣ сколько струнъ!
О, царица нѣжныхъ, озаренный свѣтомъ,
Кровь твою вдыхалъ я, весь съ тобой и юнъ.
Какъ красиво солнце вечеромъ согрѣтымъ.

Ночь вокругъ сгущалась дымною стѣною,
Я во тьмѣ твои угадывалъ зрачки,
Пилъ твое дыханье, ты владѣла мною,
Ногъ твоихъ касался братскостью руки.
Ночь вокругъ сгущалась дымною стѣною.

Знаю я искусство вызвать мигъ счастливый,
Прошлое я вижу возлѣ ногъ твоихъ.

Гдѣ жь искать я буду нѣги горделивой,
Какъ не въ этомъ тѣлѣ, въ чарахъ ласкъ твоихъ?
Знаю я искусство вызвать мигъ счастливый.

Эти благовонья, клятвы, поцѣлуи,
Суждено-ль имъ встать изъ безднъ, запретныхъ
намъ,
Какъ восходятъ солнца, скрывшись на ночь въ
струи,
Ликомъ освѣженнымъ вновь свѣтить морямъ?
— Эти благовонья, клятвы, поцѣлуи!

Красота

Стройна я, смертные, какъ греза изваянья,
И грудь, что каждаго убила въ часъ его,
Поэту знать даетъ любовь и съ ней терзанье,
Безгласно-вѣчное, какъ вѣчно вещество.

Въ лазури я царю какъ сфинксъ непостижимый;
Какъ лебедь блѣдная, какъ снѣгъ я холодна;
Недвижна Красота, черты здѣсь нерушимы;
Не плачу, не смѣюсь, мнѣ смѣна не нужна.

Поэты предъ моимъ побѣдно-гордымъ ликомъ
Всѣ дни свои сожгутъ въ алканіи великомъ,
Духъ изучающій пребудетъ вѣкъ смущенъ;

Есть у меня для нихъ, послушныхъ, обаянье,
Два чистыхъ зеркала, гдѣ міръ преображенъ: —
Глаза, мои глаза, бездонное сіянье.

Смерть влюбленныхъ

Постели, нѣжныя отъ ласки аромата,
Какъ жадные гроба, раскроются для насъ,
И странные цвѣты, дышавшіе когда-то
Подъ блескомъ лучшихъ дней, вздохнуть въ
послѣдній разъ.

Остатокъ жизни ихъ, почуявъ смертный часъ,
Два факела зажжетъ, огромныя свѣтила,
Сердца созвучныя, заплакавъ, сблизятъ насъ,
Два братскихъ зеркала, гдѣ прошлое почило.

Въ вечернемъ таинствѣ, воздушно-голубомъ,
Мы обмѣняемся единственнымъ лучомъ,
Прощально-пристальнымъ и долгимъ, какъ ры-
данье.

И Ангелъ, дверь позднѣй полуоткрывъ, придетъ,
И, вѣрный, оживитъ, и, радостный, зажжетъ
Два тусклыхъ зеркала, два мертвыя сіянья.

Гигантша

Въ оны дни, какъ природа въ капризности думъ,
вдохновенно
Каждый день зачинала чудовищность мощныхъ
породъ,
Полюбилъ бы я жить возлѣ юной гигантши безсмѣнно,
Какъ у ногъ королевы ласкательно-вкрадчивый
котъ.

Я любилъ бы глядѣть, какъ съ душой ея плоть
расцвѣтаетъ,
И свободно ростетъ въ ужасающихъ играхъ ея;
Заглянувъ, угадать, что за мрачное пламя
блистаетъ
Въ этихъ влажныхъ глазахъ, гдѣ, какъ дымка,
встаетъ забытье.

Пробѣгать на досугѣ всю пышность ея очертанiй,
Проползать по уклону ея исполинскихъ колѣнъ,
А порой въ лѣтнiй зной, въ часъ, какъ
солнце дурманомъ дыханiй

На равнину повергнетъ ее, точно взятую въ
плѣнъ,
Я въ тѣни ея пышныхъ грудей задремалъ бы,
мечтая,
Какъ у склона горы деревушка ютится глухая.

Пропасть

Паскаль носилъ въ душѣ водоворотъ безъ дна.
— Все пропасть алчная: Слова, мечты, желанья.
Мнѣ тайну ужаса открыла тишина,
И холодѣю я отъ чернаго сознанья.

Вверху, внизу, вездѣ, бездонность, глубина,
Пространство страшное съ отравою молчанья.
Во тьмѣ моихъ ночей встаетъ уродство сна
Многообразнаго, — кошмаръ безъ окончанья.

Мнѣ чудится, что ночь — зіяющій провалъ,
И кто въ нее вступилъ, тотъ схваченъ темнотою.
Сквозь каждое окно — бездонность предо мною.

Мой духъ съ восторгомъ бы въ ничтожествѣ пропалъ,
Чтобъ тьмой безчувствія закрыть свои терзанья,
— А! Никогда не быть внѣ Чиселъ, внѣ Сознанья!

Пѣсенки

1

Она умерла, умерла, она умерла отъ любви.
Съ разсвѣтомъ ее унесли, и за гробомъ немногіе шли.
Ее схоронили одну, одну, какъ она умерла,
Ее схоронили одну, какъ она передъ смертью была.

И съ пѣсней вернулись они: «Кому суждено, такъ умереть».
И пѣли, и пѣли они: «Для каждаго есть свой черёдъ».
«Она умерла, умерла, она умерла отъ любви».
Ее унесли, и опять работать, работать пошли.

2

Море блеститъ за изгородью,
Море блеститъ какъ раковина.
Какъ бы его поймать? — Поймай!
Это веселый, веселый Май.

Нѣжно море за изгородью,
Нѣжно, какъ руки дѣтскія.
Такъ бы его и ласкалъ. — Ласкай!
Это веселый, веселый Май.

3

Прими всю глубь небесъ въ твои глаза съ ихъ
тьмою,
Своимъ молчаніемъ проникни въ тѣнь земли, —
И если жизнь твоя той тѣни не усилитъ,
Огни далекихъ сферъ въ нихъ зеркало нашли.

Тамъ, изгородь ночей, съ незримыми вѣтвями,
Хранитъ цвѣты огня, надежду нашихъ дней, —
Печати свѣтлыя грядущихъ нашихъ жизней,
Созвѣздья, зримыя нѣмымъ вѣтвямъ ночей.

Гляди, будь самъ въ себѣ, брось чувства въ
область мысли,
Собою увлекись, будь на землѣ ничей, —
Безъ пониманія, глазами слушай небо,
Твое молчаніе есть музыка ночей.

4

Король покорилъ королеву
Черными своими кораблями,
И она «прости» сказала гнѣву,
И глядитъ покорными глазами.

5

Первый звонъ колоколовъ: — «Это въ ясляхъ
Царь Небесный!»
Звонъ смѣнился перезвономъ: — «Мой женихъ!
Скорѣй, скорѣй!»
И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ — звонъ про-
тяжный похоронъ.

6

Мои глаза — два черныхъ бриллiанта,
Они блестятъ подъ шляпою Рембрандта,
Сюртукъ мой черенъ, черны башмаки,
И токъ волосъ чернѣетъ вдоль щеки.

Зачуявъ злость, надмененъ я, конечно,
Улыбка лжива, взоръ горитъ сердечно.
Себѣ я видъ преважный сотворю,
Когда съ фальшивымъ братомъ говорю.

Хотѣлъ бы принцемъ быть я доскональнымъ,
Людовикомъ тринадцатымъ фатальнымъ,
И кто во мнѣ, чувствительность понявъ,
Найдетъ поэта, очень онъ лукавъ.

Однако, Богъ, какъ риѳму въ важномъ гимнѣ,
Далъ сердце мнѣ — какъ всѣмъ другимъ — увы
мнѣ,
Судьба, въ забавѣ спутавъ смыслъ и счетъ,
Огонь горячiй заложила въ ледъ.

Всѣ струны дрогнутъ, предо мной сверкая,
Религiя моя — душа людская.
Когда пою, въ мой входятъ звонкiй пиръ
Кровь, золото, и розы, и Шекспиръ.

7

Подъ солнцемъ ярко-краснымъ,
Въ златистомъ вѣтрѣ вечера,
Пугаяся ночей,
Моя душа дрожащая...

Подъ голубой луной,
Въ златистомъ вѣтрѣ вечера,
Счастливица ночей,
Твоя душа поющая...

Но здѣсь у насъ въ тѣни,
Въ огнѣ моихъ очей,
Пугаясь свѣта дня,
Твоя душа дрожитъ.

Но здѣсь у насъ въ тѣни,
Въ лучахъ твоихъ очей,
Счастливая отъ дня,
Моя душа поетъ.

8

Ночами лѣта голубыми,
Когда поютъ стрекозы,
На Францію Богъ пролилъ чашу звѣздъ.
До губъ моихъ доноситъ вѣтеръ
Вкусъ неба лѣтняго — и пью
Пространство, что свѣжо осеребрилось.

Вечерній воздухъ — край холодной чаши.
Полузакрывъ свои глаза,
Пью жаднымъ ртомъ, какъ будто сокъ граната,
Ту свѣжесть звѣздную, что льется отъ небесъ.

И лежа на травѣ,
Еще отъ ласки дня не охладѣвшей,
Съ какой любовью я испилъ бы,
Вотъ въ этотъ вечеръ,
Безмѣрную ту чашу голубую,
Гдѣ бродитъ небосводъ.

Не Вакхъ ли я? Не Панъ ли? Я пьянюсь
Пространствомъ, и горячее дыханье
Я укрощаю свѣжестью ночей.
Раскрыты губы небу, гдѣ трепещутъ
Созвѣздья — да въ меня стечетъ все небо!
Въ немъ да растаю я!

Пространствомъ опьянившись, небомъ звѣзднымъ,
Гюго и Байронъ, Ламартинъ и Шелли
Ужь умерли. А все жь пространство — тамъ,
Течетъ безгранное. Едва имъ опьянился,
И мчитъ меня, и пить хочу, еще!

Садъ Замкнутый

1

Къ грудямъ моимъ руки мои приложивъ,
И отъ игръ и отъ прялокъ усталыя,
Руки-подруги, чей бѣлый свѣтъ такъ красивъ, —
Какъ будто я въ водахъ дремлю,
Я сплю,
И зори надъ ними горятъ запоздалыя.
Далеко отъ печальныхъ и тщетныхъ скорбей,
На престолѣ моей красоты свѣтодарственномъ,
Эти хрупкія дремлютъ царицы въ безтрепетной чарѣ своей,
Снится рукамъ моимъ о владычествѣ царственномъ.
И одна, въ бѣлокурыхъ моихъ волосахъ,
Закрывъ, какъ когда-то, глаза въ блаженномъ безсиліи,
Я ребенокъ, что держитъ міры, и въ мірахъ
Я дѣва, что держитъ лиліи.

2

Я играла въ горящемъ снѣгу
Звѣздъ рая,
И, сіяя,
Вся теперь я ими одѣта,
Въ волосахъ моихъ блѣдныхъ я ихъ берегу,
Что мерцаютъ, и есть они въ этихъ глазахъ, полныхъ свѣта.

А иныя растаяли здѣсь на губахъ,
А иныя вотъ здѣсь на груди у меня.
На ладоняхъ иныя погасли, на бѣлыхъ рукахъ.
Вся я сіяю въ лучахъ,
Вся я вкусила огня.

3

Она развязала на поясѣ узелъ, и стала, нагая,
Вся въ трепетѣ, руки свои въ полумглѣ приходу
его раскрывая.
Касанія рукъ его были — до воздуха, вѣтерковъ,
молчанья, и ночи,
И солнце явилось въ глазахъ у нея, ослѣпило ей
очи.
И его поцѣлуй, дрожащій и дикій, божескимъ
полный сномъ,
Былъ какъ цвѣтокъ, какъ цвѣтокъ раскрытый,
который срываютъ ртомъ.

4

Почему ты приходишь изъ прошлаго, изъ ми-
нувшаго,
Съ мечтами усталыми?
Чтò мнѣ въ томъ, что ты грезилъ въ тѣхъ «что-то»
уснувшаго,
Когда я еще не была съ губами этими алыми?
Не трогай прахъ мертвыхъ. Дымъ.
Я свѣтла.
Мои юные годы не болѣе тяжки мыслямъ моимъ,
Чѣмъ нѣжная тяжесть моихъ волосъ,
И цвѣты, что любовь въ нихъ вплела,
Въ брызгахъ росъ.

5

Я прильну къ тебѣ здѣсь, на сердце твое,
Какъ весна на море,
На равнинахъ моря безплоднаго,
Гдѣ никакой цвѣтокъ не ростетъ,
На просторѣ водъ,
И вѣтра свободнаго,
Кромѣ цвѣтовъ свѣтовыхъ,
Въ этихъ дыханьяхъ живыхъ.

Я прильну къ тебѣ здѣсь, на сердце твое,
Какъ птица морская,
Что, уставъ отъ усилья,
Прижавши къ себѣ свои крылья,
Льнетъ къ морю, себя отдавая,
Въ перистости нѣжной убранства,
Баюканью водъ,
И море, ее качая,
Колыбелитъ крылатую въ ритмѣ вѣчномъ волнъ
и пространства.

6

Протяни свои руки въ зыби мои,
Это покровъ мой муаровый,
Это покровъ мой изъ мирры,
Нарда, бензоя;
Все мое тѣло умащено,
Дышетъ оно,
Бедра мои
Поддались благовонной волнѣ.
Что еще изъ одежды осталося мнѣ,
Это волны моихъ распустившихся косъ,
Это волны моихъ золотыхъ волосъ,

Это — солнце, въ которомъ сюда я пришла,
Это — солнце, гдѣ я обнаженной была.

7

Когда ежевики багряныя зрѣли,
Онѣ мои губы поцѣлуйныя пропѣли,
И мои длинные волосы, теплые, теплые,
Какъ лѣтній дождь.

Когда золотыя лозы созрѣли,
Онѣ полузакрытые глаза мои пропѣли,
Истомные, свѣтящіеся, дымкою сокрытые,
Какъ въ осень небеса.

Во мнѣ всѣ дразненья вкуса, всѣ зыби тумана,
Всѣ разные свѣты. И зыбкая я какъ ліана.
Очертанья грудей у меня,
Какъ у огня
И цвѣтовъ.

8

Когда твои глаза глядятъ въ мои глаза,
Я вся, я вся въ моихъ глазахъ.

Когда твой ротъ размыкаетъ мой ротъ,
Вся любовь моя, вся, есть мой ротъ.

Когда до волосъ ты коснешься моихъ,
Вся жизнь, вся жизнь моя въ нихъ.

Когда ты рукою ласкаешь мнѣ грудь,
Какъ огонь я внезапный вхожу въ мою грудь.

Неужели тобою выбрана я?
Тутъ моя душа, тутъ вся жизнь моя.

Смерть

О, какая рука у ней маленькая, какая бѣлая!
Словно водная расцвѣтность, что склонилась
онѣмѣлая...

Она спитъ, она въ успокоеніи,
Смерть коснулась ея.

Нѣтъ въ ней чувства, она легка въ своемъ
успеніи,
На землѣ она совершила свое.

Можешь взять ее теперь, Господь, она
Счастья прикоснулась гранью сна.

На лицѣ ея луна, луны покровъ,
А въ глазахъ ея дымка облаковъ.

Ея ротъ полуоткрытъ, невозмутимъ,
Какъ у края кубка, который незримъ.

Пряди длинныхъ волосъ ея легли волной,
Какъ колосья, которые легли подъ косой.

Вся она кроткое успокоеніе,
Отъ нея отошли всѣ тревожности прочь.

Безшумно, медленно, безъ потрясенія,
Дверь открывается въ тихую ночь.

Къ самому себѣ

Итакъ, теперь ты навсегда утихнешь,
О, сердце утомленное мое.
Погибъ обманъ послѣдній, крайній, тотъ,
Который я считалъ въ себѣ безсмертнымъ.
Я чувствую, что умерла не только
Надежда на обманы дорогіе,
Погасло ихъ желанье. Успокойся,
Навѣки. Ты довольно трепетало.
Нѣтъ ничего, что бъ стоило твоихъ
Движеній, и земля не стоитъ вздоховъ.
Тоска и горечь — наша жизнь, не больше;
Міръ — грязь. Теперь притихни и замри.
Въ послѣдній разъ отчайся. Рокъ намъ не далъ
Иного дара, кромѣ умиранья.
Отнынѣ презри самого себя,
Природу, оскорбительную силу,
Которая, скрываясь, заправляетъ
Ущербомъ общимъ, презри безконечность
Тщеты всего.

Къ Солнцу

Стой, Солнце, и услышь, я здѣсь къ тебѣ взываю,
И въ изступленьи радостномъ дерзаю
Вести съ тобою рѣчь.
Горитъ какъ ты мое воображенье,
И въ жаждѣ свѣтлыхъ встрѣчъ
Къ тебѣ высокое паренье
Къ золотоликому, впередъ,
Души безтрепетный полетъ.
О, если бъ голосъ мой былъ звукъ могучій,
И превышая грозный громъ,
Великій гулъ будя кругомъ,
Вознесся кверху, выше тучи,
Къ тебѣ, о, Солнце, до твоихъ горнилъ,
И ходъ твой средь небесъ остановилъ!
О, если бъ пламя, что въ моемъ мышленьи
Всегда горитъ, всѣ чувства вдругъ зажгло,
Къ лучу, который такъ побѣденъ въ рдѣньи,
Вознесся бъ жадный взоръ и просіялъ свѣтло,
Мои глаза въ твой ликъ, что свѣтитъ многозорно,
Горя, смотрѣли-бы упорно,
Не зная, сколько бы мгновеній такъ прошло.
Какъ я тебя всегда любилъ, о, солнце въ блескѣ!
Съ какой ревнивою тоской,
Ребенокъ малый и простой,
По небу вышнему, какъ будто въ перелѣскѣ,
Хотѣлъ идти я за тобой,
И на тебя смотрѣлъ, блаженно-изступленный,
И созерцалъ твой свѣтъ душою опьяненной.

Отъ золотыхъ межей, гдѣ царствуетъ Востокъ,
Весь опоясанный богатымъ Океаномъ,
Что спряталъ жемчуга, закрывъ ихъ воднымъ
станомъ,
До рубежей иныхъ, что западъ въ тѣнь облекъ,
Пылающихъ одеждъ живое обрамленье
Распростираешь ты, величественный царь,
И міру льешь потоки рдѣнья,
Его живишь теперь, какъ встарь.
Отъ своего чела ты мечешь день блестящій,
Ты радость и душа Міровъ,
Твой дискъ даруетъ свѣтъ и жаръ животворящій,
И торжествующей короною шаровъ
Ты возстаешь, вѣнецъ, въ игрѣ огней горящій,
Спокойно всходишь ты на золотой зенитъ,
На царственный престолъ средь неба голубого,
Ты въ пламеняхъ живыхъ, твой ликъ огнемъ
облитъ,
И вдругъ полетъ задержанъ снова: —
Отсюда пламенный свой бѣгъ
Ты низвергаешь быстрымъ сходомъ,
И волосы твои, въ сверканьи пышныхъ нѣгъ,
Воспламененные раскинулись по водамъ,
Ихъ Море приняло, волна дрожитъ огнемъ,
И весь твой блескъ сокрылся въ немъ: —
Еще прошедшій день примкнулъ къ безмѣр-
нымъ годамъ.
Столѣтья безъ числа, ты видѣло ихъ всѣ,
Въ бездонной пропасти временъ они забыты,
И сколько пышныхъ царствъ забрезжило въ
красѣ,
И были всѣ они на грани дней изжиты.
Чѣмъ были предъ тобой? Въ тѣни глухихъ
лѣсовъ

Листы срываются на вѣткахъ оголенныхъ,
И пляшутъ по кругамъ, подъ бѣшенствомъ вѣтровъ,
Среди дыханій разъяренныхъ.
Тебя не тронулъ Божій гнѣвъ,
Когда кипѣлъ потопъ вкругъ гибнущей вселенной,
И правосудною рукой былъ брошенъ сѣвъ
Карающей воды, и бури, долго плѣнной,
Вотъ вѣтеръ зарычалъ. Гудя, упалъ окрестъ
Разрывно-хриплый громъ, какъ камни на откосѣ,
И сдвинулись, дрожа, съ своихъ давнишнихъ мѣстъ,
Земли алмазныя скрѣпляющія оси.
И горы и поля — вспѣненный океанъ,
И горы и поля — могила человѣка.
И содрогнулась глубь, недвижная отъ вѣка.
А ты надъ нѣмотой потопшихъ въ безднѣ странъ,—
Надъ бурей тронъ взнесло, какъ повелитель міра,
Изъ сумраковъ тогда твоя была порфира,
Но ликъ былъ отданъ весь лучамъ,
И высоко взнесясь для огненнаго пира,
Свѣтило мирно ты, горя инымъ мірамъ.
И снова, свѣжія, другія,
Прошли столѣтья предъ тобой,
Какъ волны таяли морскія,
Крутясь по безднѣ голубой.
Толчкомъ взаимнымъ сокрушили
Другъ друга въ бѣшенствѣ зыбей,
Межь тѣмъ какъ въ неизмѣнной силѣ,
Въ нетлѣнной красотѣ своей,
О, солнце, ты встаешь, свой ликъ всегда вздымая,

А тысяча вѣковъ лежитъ, толпа нѣмая,
На пепелищѣ дней.
И вѣчнымъ будешь ты, всегда неугасимымъ?
Не потускнѣетъ онъ, безмѣрный твой очагъ?
Ты не затянешься отяжелѣлымъ дымомъ, —
Стремя безсмертный бѣгъ, неся горючій стягъ?
Средь гибели временъ, гдѣ все въ забвеньи равномъ,
Лишь ты останешься вовѣкъ самодержавнымъ?
Нѣтъ, потому что и къ тебѣ
Издалека, походкой мѣрной,
Подходитъ смерть, зовя къ судьбѣ,
Для всѣхъ, кто въ мірѣ, достовѣрной.
Кто знаетъ, можетъ быть, ты только бѣдный лучъ, —
Лишь отраженный дискъ иного Солнца въ мірѣ,
Который былъ другимъ, прекраснѣе и шире,
Какъ тотъ иной Огонь пылалъ вдвойнѣ могучъ!
Такъ услаждайся же своею красотою,
И юностью своей, о, Солнце! Будетъ день,
То будетъ страшный день, какъ мощною рукою
Отца высокаго уроненная тѣнь
Наляжетъ тягостно на шаръ, еще горючій,
И разорвется онъ, и въ вѣчность соскользнетъ,
Кусокъ въ моряхъ огня, обломки въ смутѣ жгучей,
Закутанный навѣкъ, могильный въ свой чередъ,
Въ моряхъ стократныхъ бурь, во мракѣ безконечномъ,
Твой чистый свѣтъ умретъ: —
И ночь всю высь небесъ скуетъ покровомъ вѣчнымъ,
И отъ твоихъ огней, пылавшихъ день деньской,
Ни даже памяти не будетъ никакой!

Къ Ночи

Привѣтъ тебѣ, Ночь покоя,
Ты міръ обняла величаво,
Въ печальномъ тревогу смягчаешь,
Пріятной твоей темнотой.

Ручей вдалекѣ серебрится,
Теперь онъ лепечетъ тихонько,
И между вѣтвями пѣвуче
Неясный шуршитъ вѣтерокъ.

Гора затянулась тѣнями,
Лужайки окутались въ сумракъ,
И звѣзды прерывистымъ свѣтомъ
Чуть свѣтятъ, заполнивъ просторъ.

Печальнаго ропота полны
Потоки широкаго Моря,
И въ призрачномъ бѣломъ свѣченьи
Огни проскользаютъ волной.

Рѣка въ равномѣрномъ величьи
Теченье окутала въ трауръ,
И въ полѣ цвѣтистыя краски
Смѣшались, смягченныя мглой.

Къ ночлегу овецъ своихъ гонитъ
Усталый пастухъ торопливо,

И пахарь бодиломъ торопитъ
Лѣниво-тяжелыхъ быковъ.

Того, кто окончилъ работу,
Ждетъ съ ужиномъ скромнымъ супруга,
Здоровыя, крѣпкія дѣти,
Уютъ предъ живымъ очагомъ.

Въ твоемъ примиренномъ покоѣ,
О, Ночь, всѣ находятъ свой отдыхъ,
И даже, кто горестный плачетъ,
Глаза осушаешь ты сномъ.

Какая услада молчанья,
Какая пріязнь затемненья!
Какъ тихо въ душѣ отъ сознанья,
Что вотъ она только съ собой!

Угрюмый вѣщательный филинъ
Вдругъ крикнетъ, и хриплый тотъ голосъ,
Дойдя отъ могилы къ могилѣ,
На краткость прерветъ ихъ покой.

Вонъ тамъ, на возвышенной башнѣ,
Чуть теплится, млѣя, лампада,
И черныя шаткія тѣни
Встаютъ, возникаютъ кругомъ.

Но вотъ ужь съ серебрянымъ дышломъ
Луны возстаетъ колесница,
И свѣтомъ ея безмятежнымъ
Залиты вершины холмовъ.

Съ величьемъ она выплываетъ,
И звѣзды предъ нею блѣднѣютъ,

Лазурь вознесеннаго неба
Наполнена свѣтлымъ лучомъ.

Источникъ скользитъ безмятежный,
И, въ зеркалѣ ясномъ, качаясь,
Сіянье дрожитъ отраженьемъ
Среди успокоенныхъ водъ.

Рѣчное чуть зыбится лоно,
Рыбакъ нагибается въ лодкѣ,
И слышится стройная пѣсня,
И чуть ударяетъ весло.

Поетъ соловей для супруги,
Измѣнчиво-разною пѣсней
Ее онъ баюкаетъ нѣжно,
Единственный въ чащѣ лѣсной.

Порою надъ крышею дома,
Надъ крышею дома другого,
Восходятъ колонны изъ дыма,
И прорваны дымы Луной.

Сквозь вѣтви сплетенныя густо,
Лучи пробираются робко,
И листья, ихъ токъ преломляя,
Ихъ дѣлаютъ смутной волной.

И вдругъ вѣтерокъ умиленный
Прошепчетъ, летя надъ цвѣтами,
И тотчасъ струей благовонной
Полей преисполненъ просторъ.

Случайное эхо въ ущельяхъ
Подхватитъ блуждающій голосъ,
Немедленно эхо другое
Торопится съ той же игрой.

Молчанье, покой умягченный
Сливаются съ звукомъ неяснымъ,
И образъ темнѣющей Ночи
Желаненъ вдвойнѣ оттого.

Привѣтъ, о, подруга печальныхъ,
Тоску огорченнаго сердца
Смягчаешь ты нѣжнымъ бальзамомъ,
И только въ тебѣ есть покой.

Пѣснь Пирата

Десять пушекъ тамъ по борту,
Вѣтеръ бьется за кормою,
Не плыветъ-летитъ стрѣлою
Черезъ море быстрый бригъ.
    Тотъ корабликъ, тотъ пиратскій,
    Что всему извѣстенъ морю,
    Имя-Страшный, и не спорю,
    Онъ слыхалъ послѣдній крикъ.
Лунный свѣтъ на морѣ пляшетъ,
Въ парусъ дунувъ, вѣтеръ бьется,
Серебромъ и синью льется
Глубь морская, долгій гулъ.
    Капитанъ пиратъ веселый,
    Знаетъ въ Азіи всѣ тропы,
    Знаетъ всѣ пути Европы,
    Прямикомъ предъ нимъ Стамбулъ.

Онъ поетъ, и пѣсня — дѣло.
«Ты плыви, корабль мой, смѣло,
    Не робѣй.
Хоть бы всталъ корабль здѣсь вражій,
Хоть бы волны вдругъ, какъ кряжи,
Взвились кверху, или даже
Хоть бы вѣтеръ сталъ хитрѣй,
Сталъ манить уплыть скорѣй,
    Судьбы многи,
    Но дороги

Не измѣнишь ты своей.
Двадцать схватокъ,
Всѣ съ добычей.
Что намъ въ кличѣ
Англичанъ!
Стягъ оборванъ,
Вѣрнымъ ходомъ,
Ста народамъ
Разныхъ странъ.
Мой корабль — мой кладъ безцѣнный,
Воля — Богъ мой, вольный я,
Путь мой вѣтеръ перемѣнный,
Море — родина моя.
«Пусть ведутъ цари слѣпые, —
За пригоршню за одну
Праха, — дикую войну.
Волны моря голубыя
Мнѣ даруютъ весь просторъ,
Все, къ чему коснется взоръ.
На волнахъ морского лона
Нѣтъ для смѣлаго закона,
И никто мнѣ не укоръ.
Чье прибрежье
Гдѣ-бъ ни было,
Что мнѣ мило,
То мое.
Всякъ узнаетъ,
Сила — право,
Въ этомъ слава,
Мчи ее.
Мой корабль — мой кладъ безцѣнный,
Воля — Богъ мой, вольный я,
Путь мой — вѣтеръ перемѣнный,
Море — родина моя.

«Чуть раздастся крикъ: — «Глядите,
Мы подходимъ къ кораблю!» —
Чуетъ онъ, что утоплю,
Тотчасъ въ немъ не мало прыти,
И на всѣхъ онъ парусахъ
Путь мѣняетъ на волнахъ,
Но съ судьбой напрасно споря,
Ибо я владыка моря,
И несу съ собою страхъ.
Я добычу
Не считаю,
Раздѣляю
Все равно,
Лишь бы только
Въ мигъ счастливый
Мнѣ съ красивой
Быть дано.
Мой корабль — мой кладъ безцѣнный,
Воля — Богъ мой, вольный я,
Путь мой — вѣтеръ перемѣнный,
Море — родина моя.
«Я не вѣдаю боязни,
Къ смерти я приговоренъ.
Какъ бы этотъ я законъ
Да къ тому, кто слово казни
Произнесъ въ напрасномъ злѣ,
Не явилъ въ моемъ жерлѣ.
Иль повѣшу въ часъ напасти,
Я его на зыбкой снасти,
На его же кораблѣ.
Если-жь гибель,
Ну, такъ что же?
Не дороже
Жизнь, чѣмъ мѣдь.

Я ужь сбросилъ
Всѣ вериги,
И объ игѣ
Не жалѣть.
Мой корабль, — мой кладъ безцѣнный,
Воля — Богъ мой, вольный я,
Путь мой — вѣтеръ перемѣнный,
Море — родина моя.
«Слаще музыки не чаю,
Чѣмъ свирѣльный вой вѣтровъ,
Скрипъ и трепетъ парусовъ,
Путь впередъ, куда не знаю.
Въ ревѣ бури видѣть радъ
Раскачавшійся канатъ,
И среди пучины черной
Сладко слышать мнѣ повторный
Пушекъ яростный раскатъ.
И въ гулѣньи,
Въ гулѣ грома
Мнѣ знакомо —
Не съ борьбой,
Но на морѣ
Колыбельномъ,
Въ счастьи цѣльномъ,
Пить покой.
Мой корабль — мой кладъ безцѣнный,
Воля — Богъ мой, вольный я,
Путь мой — вѣтеръ перемѣнный,
Море — родина моя.

Палачъ

Среди людей отброшенный къ презрѣнью,
Ихъ преступленья жертвою я сталъ,
Другъ друга ненавидѣть изѣгаютъ,
И сгромоздили ненависть во мнѣ.
И, въ руку мнѣ вложивъ всю злую память,
Велѣли мнѣ быть мстителемъ за нихъ.
Такъ про себя промолвили: — «Пусть мщенье,
За насъ, за всѣхъ, пусть месть въ него падетъ.
Пусть лобъ его хранитъ проклятье наше,
Пусть мѣситъ хлѣбъ на желчи съ кровью онъ,
И гербъ его есть вѣчность поношенья,
Его въ наслѣдство сыну передастъ,
Онъ пр клятый отъ общества навѣки».
И винъ своихъ покровъ швырнули мнѣ,
И отъ меня поспѣшно убѣжали, —
Мой плачъ, мой крикъ, — нѣтъ жалости ему.

Кто къ смерти присуждаетъ, онъ возвышенъ.
Судья-ли человѣку человѣкъ?
Не чувствуетъ палачъ, не человѣкъ онъ, —
Воображаютъ люди иногда.
Не видно имъ, что тотъ же образъ Божій
Есть и во мнѣ! А я для нихъ какъ звѣрь,
И звѣрю въ пасть, порой, добычу бросятъ.
Какъ жертва тамъ въ зубахъ его хруститъ,

Такъ геній зла, меня избравъ орудьемъ,
Бросаетъ человѣка мнѣ на смерть.
И справедливо, я же лишь проклятый,
Безъ преступленья, но преступникъ я? —
Взгляните, какъ, за смерть платя, надмененъ
Кто платитъ мнѣ, — какъ деньги онъ швырнетъ
На землю, — мнѣ, тому, кто здѣсь съ нимъ
равный!

Та пытка, что ломаетъ кости, хрустъ,
И жалкій вскрикъ, съ которымъ осужденный
Промолвитъ: — «Ай!», и трескъ разъятыхъ жилъ,
Подъ топоромъ, который рухнулъ книзу,
Моя услада. И когда подъ гудъ,
Съ которымъ голова падетъ на камни,
Несчастная въ кровавохъ брызгахъ вся,
Народъ объятъ свирѣпой суматохой,
Мой лобъ спокойно свѣтитъ надъ толпой,
Ужасный, съ торжествомъ неумолимымъ.
Весь гнѣвъ людей, и вся людская злость
Во мнѣ, жестокость душъ ихъ нечестивыхъ
Вся перешла дыханьемъ на меня,
И я, ихъ месть, и месть мою свершая,
Весь упиваюсь ужасомъ моимъ.

Онъ болѣе высокъ былъ, чѣмъ властитель,
Способный гордо растоптать законъ,
Палачъ, вниманьемъ этимъ всенароднымъ
Взнесенный, — власть была въ его плечахъ,
Насытился онъ ею, опьянился,
И въ этотъ день онъ такъ былъ усляжденъ,
Что не могли не увидать веселья
Въ его лицѣ его жена, семья: —
Взамѣнъ густого мрака страшной жути,

Увидѣли усмѣшку въ горькомъ ртѣ,
Въ глазахъ огонь, судьбинный и упорный.
Палачъ съ враждой вознесенъ былъ на престолъ,
И тотъ народъ, который съ громкимъ крикомъ
Его бы могъ поднять на высоту,
Дрожа, призналъ, что онъ владыка и щенья.

Во мнѣ живетъ, какъ въ лѣтописи, міръ,
Судьба тотъ свитокъ кровью написала,
И на страницахъ красныхъ тѣхъ самъ Богъ
Напечатлѣлъ мой образъ величавый.
Ужь вѣчность поглотила сто вѣковъ,
И сто еще, а зло во мнѣ, какъ прежде,
Свой памятникъ тяжелый зритъ и зритъ.
И тщетно человѣкъ, какъ вѣтромъ взятый,
Туда, гдѣ расцвѣтаетъ свѣтъ, летитъ,
Столѣтьями еще палачъ все правитъ!
И съ каждой каплей красной, что на мнѣ,
Вновь зримо преступленье человѣка,
Неразлучимо-двойственная связь: —
Отображенье всѣхъ временъ прошедшихъ,
И гнѣвныхъ, вслѣдъ за ними, сто тѣней.

О, почему отъ палача рожденъ ты,
Мой сынъ, мой мальчикъ, чистый какъ хрусталь?

Твой нѣженъ ротъ, какъ будто это ангелъ
Сквозь дѣтскій смѣхъ улыбку показалъ.
Твое чистосердечіе, невинность, —
О, горе мнѣ! — вся красота твоя,
Въ моей душѣ рождаютъ только ужасъ,
Зачѣмъ съ несчастнымъ этимъ тратишь ты,
О, женщина, любовность нѣжной ласки?
Явись какъ сострадателная мать,

И утопи его, онъ будетъ счастливъ,
Ты можешь быть увѣрена вполнѣ.
Что въ томъ, что міръ тебя сочтетъ жестокой?
Иль хочешь ты, чтобы мое избралъ
Презрѣнное онъ дѣло? Или хочешь,
Чтобъ научился проклинать тебя?
Подумай, будетъ день, и ты однажды
Того, кто здѣсь играетъ предъ тобой,
Увидишь, какъ меня, проклятымъ въ мірѣ,
Преступнымъ, затемненнымъ, какъ меня!

Романсъ

Надъ вершиною Хорэба
Чуть рожденная Луна,
И могучій на равнинѣ
Рыцарь видится въ бронѣ.

Подъ лучомъ печальнымъ свѣтитъ
Крестъ на латахъ, на груди,
Паладинъ, въ защиту вставшій
За святой Ерусалимъ!

Ѣдетъ онъ отъ Іордана,
Вдоль теченья иногда,
И въ парадной и въ богатой
Блещетъ сбруѣ стройный конь.

Между тѣмъ ему навстрѣчу
Тамъ Арабъ на скакунѣ,
Онъ съ копьемъ, съ кривою саблей
И съ сіяющимъ щитомъ.

Конь бѣжитъ, гремитъ оружье,
Слышитъ, видитъ паладинъ,
Отпустилъ коню онъ поводъ,
И къ невѣрному, впередъ.

И Арабъ ужь наготовѣ,
Жаждетъ славы, помнитъ честь,

Приложилъ къ плечу десницу,
Ринулъ въ смѣлаго копье.

Полетѣло съ быстрымъ свистомъ,
Невредимъ христіанинъ,
Пролетѣвши мимо, на земь
Пало, дрогнула земля.

«Сдайся, Мавръ,» ему кричитъ онъ,
«Ярость бѣшенства сдержи,
«Я Ричардъ.» — «А что мнѣ въ этомъ,
«Если я Абенаметъ?»

И въ отвѣтъ ему на слово
Мечетъ дикій онъ ударъ,
Сталь Дамасская сверкнула
Край у шлема срѣзанъ прочь.

Съ гнѣвомъ мощную сѣкиру
Самодержецъ Англичанъ
Взнесъ, тюрбанъ разрубленъ, вмѣстѣ
Съ мусульманской головой.

Эту тяжкую сѣкиру —
Изъ носившихъ тяжесть латъ —
И обѣими руками
Не приподнялъ бы никто.

Перевороты Земного Шара

Ужь тысяча вѣковъ прошла надъ міромъ,
Промчались какъ колонны изъ огня,
И міръ, объятый страхомъ, видѣлъ четко,
Свою предощущая гибель въ томъ,
Какъ половина видимой вселенной
Сокрылась въ Море, и ушла въ ничто.

Гигантскій ураганъ безмѣрной дланью
Качнулъ міротвореніе кругомъ,
И полосы содвинулись. И путникъ,
Блуждая, видитъ горную смолу,
Беретъ обломокъ Этны, — превращаетъ
Въ воздушность пыли твердую кору,
И смотритъ, нѣтъ-ли въ этомъ блѣдномъ прахѣ
Мозаики, гдѣ Геркуланумъ спитъ.
Гдѣ древле находилась Атлантида?
Взгляни туда, въ кипящій Океанъ,
Тамъ корабли, что, путь не разумѣя,
Прибрежій дальнихъ бросивъ тишину,
Довѣрили волнамъ желѣзный якорь,
И межъ обломковъ, скрытыхъ тамъ на днѣ,
Желѣзный якорь въ Морѣ зацѣпился,
Къ обломкамъ Атлантиды онъ прильнулъ,
Вонзился въ башни древней Атлантиды.

Гимнъ Безсмертію

Привѣтъ тебѣ, пламя творческое міра,
Вѣчнаго знанья пылающій языкъ,
Чистый зачатокъ, исходъ обильный пира,
Призракъ смертельный къ ногамъ твоимъ поникъ.

Ты вещество неподвижное волнуешь,
Велишь соединяться ему и жить,
Ты глину ваяешь, и въ обликахъ ликуешь,
Въ тысячахъ существъ свою проводишь нить.

Созданія свои разрушаешь напрасно,
Смерть превозмогаетъ надъ жизнью порой.
И вновь изъ обломковъ встаешь ты ежечасно
Въ новыхъ созиданьяхъ торжествующей игрой

Горнило Солнца питаешь ты собою,
Лазурью одѣваешь нѣмыя небеса,
Луну серебришь надъ облачной мглою,
Тобой сіяетъ зорь вѣнчанная краса.

Рождаешь переклички въ рощѣ туманной,
Деревьямъ ты даруешь зеленый уборъ,
Въ рѣкѣ ты, какъ музыка съ печалью тонкотканной,
Въ Морѣ — какъ хриплый угрожающій хоръ.

Въ цвѣтахъ ты выдыхаешь ихъ душу ароматомъ,
Въ долинахъ вздыхаешь любовью весной,
Шепчешь ты въ крыльяхъ воздухомъ разъятымъ,
Въ сѣверномъ вѣтрѣ гремишь глубиной.

Въ землѣ разливаешь золото обильно,
Кипящаго металла извиваются ручьи,
Жемчугъ расцвѣчаешь, и онъ хранитъ умильно
Въ пропастяхъ Моря отсвѣты свои.

Тучъ фіолетовыхъ сгущаешь ты ткани,
Черную мантію качаешь ты въ вѣтрахъ,
Воздухъ зажжешь, онъ полонъ содроганій,
Ревомъ своимъ внушаешь ты страхъ.

Ты чистое сѣмя жизни безконечной,
Источникъ достовѣрный, безсмертно-молодой.
Свѣтъ, что Создатель излилъ къ намъ Вѣчный,
Сущность твоя — юность съ красотой.

Ты тайная сила, которая владѣетъ
Осями міра, понуждая вѣрный ходъ,
Глубокое и стройное чувство, что лелѣетъ
Любой изъ тѣхъ шаровъ, что живятъ небосводъ.

Столѣтья, которыя несутся, улетая,
Твои неутомимые художники, кому
Довѣрена изъ духа рѣзьба золотая,
Ею украшаютъ тѣсную тюрьму.

Ты водоворотомъ, вихремъ безпрерывнымъ,
Толкаешь ихъ впередъ, столѣтія идутъ,
И новымъ ты велишь придти путемъ извив-
нымъ,
И только повелишь, столѣтія ужь тутъ.

Въ томящемся стремленьи, тревожною рѣкою,
Уходятъ и приходятъ, не виденъ ихъ конецъ,
И въ дѣланьи вѣчномъ проворною рукою
Другъ у друга вырываютъ созидающій рѣзецъ.

Силы примѣняютъ въ стараніи упорномъ,
Работаютъ безъ устали въ безмѣрной мастерской,
Вещество ударяютъ ударомъ повторнымъ,
Трудъ умножая заботой и тоской.

Въ жизни текучей, въ глубокомъ Океанѣ,
Въ безпрерывной перемѣнѣ проплываетъ человѣкъ,
И творческій посѣвъ обильныхъ созиданій
Ты льешь въ него потокомъ неистощимыхъ рѣкъ.

Подними, человѣкъ, чело свое высоко,
Къ вѣчному потоку припади своимъ ртомъ,
Ты будешь какъ солнце, какъ зарево Востока,
Ты будешь безсмертнымъ, какъ міръ кругомъ.

Оглавленіе

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ.

